

М.В. СКРЖИНСКАЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ И РЕЛИГИИ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Каждый эллин с детских лет имел определенные представления о разнообразных фантастических существах и в той или иной мере верил в их реальность. Они издавна играли заметную роль в греческом фольклоре и литературе, а их изображения часто встречались в монументальном и прикладном искусстве. Так было и в античных городах Северного Причерноморья. В школе каждый мальчик учил поэмы о Троянской войне и судьбе ее героев; в них появлялись сирены, nereиды, кентавры и другие не встречавшиеся в реальной жизни персонажи; в популярном у всех эллинов цикле мифов о Геракле герой сражался с кентаврами, в рассказах о богах сатиры сопровождали Диониса, а грифоны служили Аполлону. Народная фантазия составляла эти существа из частей тела человека и животного или соединяла в целое не совместимые в реальности части разных зверей.

Подобно настоящим животным, они обитали на суше, небе и в воде, но не в пределах хорошо известной ойкумены, а на неизведанных окраинах земли у границы с потусторонним царством или в обществе небесных и подземных богов. В представлении эллинов это давало таким существам возможность служить некой связью между реальным и потусторонним мирами; поэтому легенды о многих фантастических существах вспоминали во время погребальных обрядов, и не случайно множество интересующих нас произведений искусства находились в некрополях.

В уцелевших эпиграфических и письменных источниках о Северном Причерноморье фантастические существа практически не упоминаются, но многочисленные их изображения на местных и привозных памятниках показывают, что в культуре и религии им уделялось здесь не меньше внимания, чем в Элладе и других ее колониях. Поэтому записи ряда древних авторов можно привлечь для исследования этой темы и для интерпретации смысла, заложенного художниками в их произведения. Среди изображений, привлеченных для предлагаемой статьи¹, первое место по количеству занимает свита Диониса.

¹ Смотри приложенный в конце работы каталог изображений фантастических существ на памятниках искусства из Северного Причерноморья.

вии, о чем известно из «Истории» Геродота (IV, 79). Со слов ольвиополитов он записал новеллу о скифском царе Скиле, имевшем собственный дом в Ольвии; царь был посвящен в таинства Диониса и в вакхическом истступлении ходил по улицам города в процессии адептов бога. Во время подобных шествий и других праздничных ритуалов их участники восклицали *εὐαί*. Этот возглас, известный по упоминаниям античных авторов, звучал и в Северном Причерноморье, о чем свидетельствуют два граффити на зеркале из Ольвии, и на сосуде из Феодосии [Скржинская, 2009, с. 129, 133].

Многие мужчины и женщины на праздниках Диониса, надевая маски и костюмы спутников бога, чувствовали себя вакхантами, перевоплотившимися в этих персонажей, и вели себя так же раскованно и безумно, как об этом рассказывалось в мифах о сатирах, силенгах и менадах. Круг этих преданий в Северном Причерноморье можно в общих чертах представить, используя многочисленные археологические находки из раскопок Боспора, Херсонеса, Ольвии, Тиры и Никония.

Старый Силен был любимым спутником Диониса. С ним, согласно разным преданиям, была связана жизнь бога с младенческих лет. В одном из вариантов мифа о детстве Диониса рассказывалось, что Зевс велел Гермесу отнести новорожденного сына на гору Ниса и передать на воспитание Силену и нимфам. Сюжет этого мифа пользовался популярностью в античном искусстве. Сохранились аттические вазы с подобной росписью [Boardman J. 1997, № 22, 126] и несколько римских копий с исполненной в III в. до н. э. статуи Силенга с маленьким Дионисом на руках (рис. 1; Виппер, 1972, с. 257). Эта композиция изображена на терракотовой статуэтке, найденной в окрестностях Ольвии, и на крышке краснофигурной леканы из Пантикапея (№ 15, 24). В других сказаниях говорилось, что Силен постоянно сопровождал своего воспитанника и даже помог ему во время битвы богов с гигантами (Eur. Cycl. V. 1-8; Diod. Sic. IV, 4).

Силены известны по произведениям античных писателей и художников с начала VI в. до н. э. Они были божествами плодородия и стихийных сил природы и имели миксантропический облик: торс человека с конскими ногами и хвостом. Их безобразные лица отличались приплюснутым носом, толстыми губами, глазами навывкате и звериными остроконечными ушами. Постоянным признаком служил также большой фалос, символ плодородия; он напоминал многочисленные рассказы о взаимоотношениях силенов и нимф. В приписанном Гомеру гимне Афродите (IV, 262-263) говорится, что силены в своих пещерах заключают в объятия горных нимф; Пиндар (fr. 156) описывал их взаимоотношения с нимфами и любовь к танцам. Этому соответствуют многочисленные совместные изображения этих персонажей, но лишь на вазе Франсуа, сделанной в 70-е годы VI в. до н. э., есть надпись, указывающая их наименование [Hedreen, 1994, p. 47-48]. Вазописец Клитий нарисовал трех силенов и четырех нимф, следующих за Гефестом, который в сопровождении Диониса и его свиты возвращается на Олимп. Художник изобразил силенов

бородатыми с лошадиными ногами и хвостами и с большим торчащим фаллосом. Один из них тащит на спине мех с вином, другой играет на аулосе, третий несет на руках нимфу (Boardman, 1985, № 46, 7; LIMC, Vd. 8, S. 1113, № 22). Подобные изображения силенов встречаются и на памятниках искусства из Северного Причерноморья. Силен с нимфой на руках украшает печать из агата, принадлежавшую жителю Пантикапея в VI в. до н. э. (№ 6)², а бегущий силен с мехом за плечами нарисован на тулове чернофигурной ольпы из Ольвии (№ 3; рис. 2).

Во второй половине VI в. до н. э. многие художники уже не снабжали силенов звериными ногами, оставив им лишь хвосты и большие уши. Судя по сохранившимся памятникам искусства, греки в Северном Причерноморье представляли силенов именно такими, потому что так они выглядели на привозных расписных вазах, монетах, терракотах и украшениях (№ 1-29). По большей части Силену представляли одного. Греки считали его большим любителем вина, поэтому изображали либо с винным мехом (№ 3), либо наливающим или пьющим вино из чаши или прямо из амфоры (№ 5, 12, 14). Иногда его рисовали пьяным, лежащим в изнеможении (№ 9; рис. 3); от пьянства и старости он плохо держался на ногах и потому ездил на муле и на козле (№ 7, 25).

Силены были героями нескольких мифов и постоянно появлялись на сцене греческих театров в сатирических драмах V-IV вв. до н. э. По уцелевшим произведениям античной литературы сейчас известны мифы о силене-музыканте Марсии, о мудром Силене в гостях у царя Мидаса и о Силене, воспитателе и спутнике Диониса. Иллюстрации этих мифов есть на аттических вазах, расписанных выдающимися художниками. Их покупали зажиточные граждане Ольвии, Херсонеса и Боспора, и это показывает, что здесь знали упомянутые мифы.

Сцены из предания о Марсии, осмелившимся состязаться с Аполлоном, украшают две вазы из Пантикапея и Херсонеса. В античной литературе с некоторыми вариантами рассказывается о том, как Афина изобрела аулос, духовой музыкальный инструмент, состоявший из двух трубок и по звучанию похожий на современный гобой. Богиня, увидев, что при игре на нем некрасиво искажается лицо, бросила неудачный инструмент, и его подобрал Марсий. Он научился прекрасно на нем играть и, считая себя замечательным музыкантом, вызвал на состязание Аполлона, но судьи отдали первенство богу. Аполлон же в наказание за дерзость казнил Марсия (Apollod. Bibl. I, 4, 2; Paus. I, 24, 1; II, 22, 9; Diod. Sic. III, 58; Ov. Met. VI, 382). Так утверждалось превосходство спокойной струнной музыки, исполнявшейся эллинским богом, по сравнению с экстатическим характером пришедших с востока мелодий; они сопровождали празднества Диониса и Кибелы, в свиту которых входили силены. Однако мелодии для аулоса, авторство которых приписывалось Марсию, пользовались успехом в V-IV вв. до н. э. (Plat. Symp. 215 e).

² Здесь и далее указаны номера помещенного в конце каталога.

Краснофигурная пелика из Пантикапея с картиной состязания Аполлона и Марсия (№ 17) расписана в третьей четверти IV в. до н. э. выдающимся не известным по имени художником; его кисти принадлежат несколько ваз, и в научной литературе он получил по этому произведению наименование Мастера Марсия. В центре композиции стоит нарядно одетый Аполлон, к нему подлетает Ника, символизирующая победу бога, а рядом сидит Марсий, уронив свой аулос (рис. 4). На фрагменте кратера из Херсонеса победивший силена Аполлон представлен играющим на лире (№ 18).

В других преданиях у силена нет особого имени. Элиан в «Пестрых рассказах» (III, 18) со ссылкой на Феопомпа, хиосского историка IV в. до н. э., изложил легенду о фригийском царе Мидасе, который велел поймать Силена, и тот рассказал ему об удивительных странах, расположенных за пределами греческой ойкумены. Здесь Силен предстал мудрым и осведомленным во многих областях знаний. Недаром философа Сократа, некрасивого и похожего на изображения силена, сравнивали с этим мифическим персонажем (Plat. Symp. 215 a; Xen. Symp. IV, 19). Следуя этой давней традиции, Вергилий в шестой Эклоге вложил в уста Силена историю древней космогонии.

Рисунки на вазах показывают, что подобные рассказы о Мидасе и Силене появились в архаический период. На чернофигурной пелике из Пантикапея (№ 1) представлен связанный Силен, которого воины ведут к Мидасу (рис. 5). У ног Силена находится пантера, священное животное Диониса, она напоминает о тесной связи Силена с Дионисом. О том же говорят изображения на чернофигурных лекифе, килике и ольпе из Ольвии (№ 2, 8, 10), где Силен сопровождает Диониса (рис. 6).

Уже в архаический период образы силенов и сатиров, также входивших в свиту Диониса, стали объединяться. Об их тождестве можно судить по одной из глав «Пира» Платона (221 e), называвшего Сократа то силеном, то сатиром. Павсаний (I, 23, 5) писал, что силенами называют сатиров, достигших преклонного возраста. В эллинистический период дорожную мебель часто украшали костяными пластинками с изображением головы пожилого силена (№ 23). Такие пластинки есть в коллекциях материалов из раскопок Пантикапея, Нимфея, Тиритаки и Кеп (рис. 7). Здесь найдены также заготовки для этих украшений, поэтому можно утверждать, что их изготавливали на Боспоре [Финогенова, 1984, с. 174-175].

В сатиловских драмах часто участвовал Паппосилен, «отец сатиров». На дионисийских праздниках в V-IV вв. до н. э. после трагедий разыгрывали такие пьесы; в них хор всегда состоял из сатиров, а корифеем часто выступал Силен. Он был активным действующим лицом в единственной полностью сохранившейся подобной пьесе «Циклоп» и, обращаясь к хору сатиров, называл их своими детьми (Eur. Cycl. v. 82, 97). Этот персонаж, в числе других спутников Диониса, изображен на фрагменте мраморного фриза, вероятно украшавшего театр в Пантикапее (№ 19).

Костюм Паппосилена хорошо известен по изображениям на вазах [Simon, 1982, p. 142]. Один из лучших рисунков такого рода представлен на вазе Пронома, расписанной в начале IV в. до н. э. [Simon, Hirmer, 1981, S. 151-158]. Вазописец нарисовал актеров, готовящихся играть сатиrowsкую драму под аккомпанемент знаменитого музыканта Пронома (рис. 8). Его имя, известное по упоминанию Павсания (IX, 12, 4), написано на вазе, и поэтому сейчас она носит такое название. Судя по картине на лицевой стороне сосуда, в пьесе показывали какой-то эпизод из жизни Геракла. Актер, исполнивший его роль, наряду с маской, имел характерные атрибуты этого героя: дубинку и наброшенную на плечи шкуру льва.

Рядом с этим артистом стоит исполнитель роли Паппосилена. В руке у него маска с седыми волосами и бородой, а сам он одет в характерный косматый костюм, закрывающий все тело, а на плечо наброшена шкура пантеры, священного животного Диониса, ставшая атрибутом его спутников (рис. 9). В подобном костюме изображен силен на упомянутом мраморном рельефе из Пантикапея (рис. 10). Несколько артистов на вазе Пронома входили в состав хора сатиров. Их обнаженные тела прикрывают лишь меховые набедренные повязки с привязанными впереди кожаным фаллосом, а сзади – хвостом. Один из них, надев маску, исполняет буйный танец сатира, остальные беседуют между собой, держа маски в руках (рис. 9).

Картины на двух аттических вазах IV в. до н. э. из Пантикапея также связаны с сатиrowsкими драмами. На краснофигурной ойнохое нарисован сатир, подкрадывающийся к нимфе, беседующей с ребенком-сатиром (№ 55). Сюжет о детстве Диониса из другой пьесы того же жанра украшает крышку краснофигурной леканы (№ 15; рис. 11). На то, что это не просто иллюстрация мифа, указывает фигура музыканта, играющего на аулосе. Он облачен в длинный нарядный хитон, характерную одежду аккомпаниатора в театре. Близкую параллель этой фигуре можно увидеть на мозаике II в. до н. э. со сценой обучения актеров, одетых сатирами [Pfuhl, 1923, S. 302, Fig. 686]. Музыкант стоит в той же позе в фас к зрителю и играет на таком же длинном аулосе; он одет в похожий ниспадающий до пола узорчатый наряд, имеющий длинные рукава и круглый открытый ворот, и голова его увенчана пышным венком.

Сюжет пьесы, вдохновившей вазописца, заимствован из мифа о детстве Диониса. Художник изобразил силену, передающего младенца нимфе и рядом поместил атрибуты бога пантеру и виноградную лозу. Остальные персонажи представляют традиционные для вазописи сцены преследования нимф сатирами. Эти мотивы разнообразно обыгрывались на сценах античных театров. Древние художники не воспроизводили в точности ту или иную драматическую сцену, но импровизировали на тему определенной пьесы и связанного с ней мифа. Поэтому наряду с актерами и музыкантами вазописцы включали в свои картины мифических персонажей без театральных костюмов и масок.

В Северном Причерноморье найдено немало терракотовых копий театральных масок силенов и сатиров, и зачастую их трудно разделить. Такие

маски, использовавшиеся в различных религиозных ритуалах, были сделаны не только иноземными, но и местными мастерами. Это подтверждается находками в Ольвии и в Херсонесе форм для терракотовых масок и фигурок силенов (№ 22) и подобными изделиями из боспорской глины.

Греки вспоминали одну из ипостасей Диониса в контексте погребального культа, а иногда считали даже владыкой подземного царства [Shauenberg, 1953, S. 41-46]. В фольклорных рассказах боги плодородия погибают и воскресают подобно умирающим растениям, которые возрождаются из зерен. Так и душа человека, по распространенным у эллинов верованиям, после смерти возрождалась в потустороннем мире. Эти верования, в частности, отражались в том, что в могилы клали изображения Диониса и его спутников, кроме того, их фигурами и масками украшали саркофаги. Таковы многочисленные расписные вазы с дионисийскими сюжетами, найденные в некрополях античных городов Северного Причерноморья, херсонесские мраморные саркофаги римского времени (рис. 12) или набор масок в погребении III в. до н. э. [Белов, 1948, с. 76, табл. 11].

В вазовой живописи сатиры встречаются чаще прочих спутников Диониса. Обычно их включали в декор сосудов для вина. Античные авторы с осуждением отмечали неспособность сатиров трудиться (Hes. fr. 198, 2), их стремление только развлекаться и удовлетворять непомерные сексуальные желания. Последнее указывает на происхождение сатиров из представлений о демонах плодородия. Дионис также имел функцию бога производящих сил природы, так что сатиры в его свите появились не случайно. Они, по словам Диодора Сицилийского (IV, 5), доставляют богу много радости и удовольствия своими танцами и песнями, а также вызывающими смех повадками.

Эта характеристика сатиров находит множество иллюстраций на вазах из раскопок в Северном Причерноморье. Мы видим сатиров вместе с Дионисом, они играют на разных музыкальных инструментах, чаще всего на аулосе, и танцуют одни или вместе с вакханками (№ 30, 35). Эллины полагали, что сатиры были прекрасными музыкантами, неслучайно на одной амфоре мастера Смикра около фигуры сатира написано слово *τέρταυλος* (зачаровывающий игрой на аулосе) [Лиссарт, 2008, с. 130, рис.96]. Музыка, исполнявшаяся на аулосе, сопровождала дионисийские праздники и представления в театре, проходившие во время подобных торжеств. К лучшим подобным изображениям относятся кратер из Никония с картиной дионисийского шествия (№ 46; рис. 13) и пелика из Пантикапея, на которой нарисован Дионис и его свита (№ 56; рис. 14). Но иногда сатиров изображали со струнными инструментами, например, на чернофигурном скифосе из раскопок Березани сатир аккомпанирует на лире танцу двух вакханок (№ 39), а на картинах двух кратеров, найденных на Боспоре, сатир играет на барбитоне (№ 47, 48).

Первоначально греки представляли сатиров с безобразными лицами густо обросшими волосами, со звериными ушами, ногами и хвостом. Но уже

в VI в. до н. э. их изображения утрачивают многие зооморфные черты. Обязательным остается лишь хвост, кроме того, у них часто бывают острые звериные уши и небольшие рожки. В V в. до н. э. появляются молодые безбородые сатиры и их маленькие дети. Павсаний (I, 20; 43) описал три статуи юных сатиров, которые в IV в. до н. э. сделал знаменитый скульптор Пракситель. Его мраморный отдыхающий сатир пользовался громкой славой в Элладе и в Риме. До настоящего времени сохранилось несколько десятков копий этой статуи, представлявшей юношу с накинутой на плечи шкурой пантеры и с аулосом в руке (рис. 15). Многие жители Северного Причерноморья регулярно ездили в Элладу с политическими и торговыми целями; и они несомненно видели эту скульптуру и ее копии. Не только у Праксителя, но и у большинства других художников молодые сатиры утратили безобразные черты лица; лишь острые уши и хвост отличали их от человека. Это можно наблюдать на рисунках ваз из раскопок Ольвии, Херсонеса и Боспора.

Среди рассматриваемых изображений сатиров особенно следует выделить золотые, серебряные и медные монеты Пантикапея и Фанагории, выпускавшиеся в IV-III вв. до н. э. (№ 58). Штамп для золотых статеров с головой бородатого сатира в фас на аверсе и грифоном на реверсе был сделан превосходным мастером, возможно, специально приглашенным в Пантикапей из Эллады (рис. 16). Первые выпуски монет с изображением сатира ассоциировались не только с этим фантастическим персонажем, но и с именем боспорского царя Сатира правившего на рубеже V-IV вв. до н. э. [Шеллов, 1956, с. 144] При нем и его наследниках культ Диониса на Боспоре занимал выдающееся место в государственной религии, так что изображение сатира, постоянного спутника Вакха, символизировало этого бога. На монетах в течение почти двух столетий появлялись разнообразные головы бородатых и безбородых сатиров, по большей части увенчанных венками из плюща, священного растения Диониса. Лица сатиров представлены чаще всего в профиль и наделены гротескными чертами: широким носом, круглыми глазами, наростом на лбу (рис. 17).

В V в. до н. э. к спутникам Диониса эллины присоединили Пана [Boardman, 1997, p. 227, 230, № 168, 382], единственное миксантропическое существо, которое причисляли к младшим богам (Her. II, 145). В сборнике гомеровских гимнов, воспевающих разных богов, один обращен к Пану, названному «козлоногим, двурогим, шумливым», он играет на свирели и танцует в развевающейся рысьей шкуре (XIX, 2, 24). Это соответствует его многочисленным древним изображениям, представляющим человека, одетого в шкуру и имеющего козлиные рога, бороду, ноги и хвост. Считалось, что подобно другим спутникам бога, Пан любит танцевать, но делает это неуклюже, топая ногами, а нимфы смеются, говоря, что он скачет выше, чем нужно, брыкается и прыгает, как козел, но им нравилось танцевать под его музыку (Hom. Hymn. XIX, 19 -23; Philostr. Im. II, 11). Вот как Платон написал об этом в одной из своих эпиграмм (AP. IX. 823):

Тише, источники скал и поросшая лесом вершина!
 Разноголосый, молчи, гомон пасущихся стад!
 Пан начинает играть на своей сладкозвучной свирели,
 И, окружив его роем, спешат легконогие нимфы,
 Нимфы деревьев и вод, танец начать хоровой.

Перевод Л. Блуменау

По преданию, Пан родился в Аркадии, обитал в горных лесах и был покровителем в первую очередь пастухов, а также охотников и рыболовов. Как и прочие божества плодородия, он обладал повышенной сексуальностью и часто преследовал нимф, но они из-за его безобразного вида в большинстве случаев не отвечали взаимностью. Так неудачей закончилась погоня Пана за нимфой Сирингой, которая предпочла превратиться в тростник, чем оказаться в объятиях козлоногого рогатого божества (Ov. Met. I, 689- 712). Из этого тростника он сделал свирель, состоящую из разновеликих полых тростниковых трубок, скрепленных воском, назвал ее по имени нимфы сирингой и постоянно на ней играл (Hom. Hymn. XIX, 45- 46). Греческая пастушья свирель стала атрибутом Пана, она присутствует на многих его изображениях. Эллины рассказывали, что Пан, виртуозно играя на сиринге, решился вступить в музыкальное состязание с Аполлоном. Одним из судей этого соревнования был фригийский царь Мидас; зачарованный игрой Пана он отдал ему первенство, за что Аполлон наградил царя ослиными ушами (Ov. Met. XI, 153-179; Hyg. Fab. 191). Некоторые вазописцы, иллюстрируя этот миф, рисовали у Мидаса ослиные уши [Boardman, 1997, № 139]. Однако, играть на свирели, как Пан, в древности было для исполнителя высокой похвалой (Theoc. I, 2-3).

Сведения о Пане в античных государствах Северного Причерноморья основываются лишь на его немногочисленных изображениях, которые иллюстрируют круг известных здесь преданий об этом божестве. Древнейший известный нам памятник относится к V в. до н. э.; это костяная статуэтка из Нико́ния (№ 63). Ее вид соответствует описанию внешности Пана в упомянутом гомеровском гимне и у других древних авторов. На голове у него рога, козлиные ноги покрыты густой шерстью, а на груди узлом завязаны концы накинутой на тело шкуры; в правой руке он держит плохо сохранившийся предмет, скорее всего сирингу. Статуэтка, вероятно, служила украшением шкапчика [Секерская, 1989, с. 109, рис. 65]. К раннему эллинистическому периоду относится серебряный браслет из Ольвии с фигуркой Пана, играющего на сиринге (№ 64). Ряд памятников искусства показывает, что греки на северном краю ойкумены знали о включении Пана в свиту Диониса. Таковы картины на двух пеликах и крышке леканы из Пантикапея. Композиция из трех фигур на аттической пелике представляет Пана, танцующего вместе с менадой и сатиром (№ 52), а вторая пелика расписанная боспорским мастером, украшена фигурами играющего на аулосе Пана и двух вакханок, одна из которых держит тимпан (№ 65). Крышка леканы снабжена росписью

на распространенную тему преследования нимф Паном и сатирами (№ 15); звериные ноги и большие рога отличают его от сатиров. На рельефе терракотового алтарика из Ольвии Пан стоит рядом с этим богом (№ 66). Терракотовые маски Пана (рис. 18) вместе с масками Диониса и сатиров найдены на Боспоре и в Херсонесе (№ 67- 69).

Особо следует выделить рельефное изображение Пана, исполненное местным мастером на известняковой надгробной стеле из Фанагории (№ 70). Мы видим стоящего в позе печали молодого человека, а за ним в верхнем углу плиты находится небольшая фигурка Пана, который, скрестив свои звериные ноги, сидит на алтаре. Наверное, поклонение Пану играло в жизни покойного заметную роль и связано с представлением о его помощи во время военных действий.

Эллины полагали, что Пан способен внушать ужас как отдельным людям, так и целому войску, помогая таким образом победить противника. В античности зародилось понятие панического страха (Polyb. XX, 6, 12; Dion. Hal. V, 16; Dion. Sic. XIV, 32; Plut. Caes. 43), сохранившееся до наших дней. В трагедиях Еврипида панический страх испытывали Медея и Федра (Eur. Med. 1167-1175; Hipp. 141-142); афиняне считали, что Пан, наведя ужас на персов, помог им выиграть Марафонскую и Саламинскую битвы (Her. VI, 105; Eur. Rhes. 36-37; Ain. Tact. 27).

Вероятно, покойный, на могиле которого стояла рассматриваемая стела, участвовал, как и большинство граждан, в боспорских военных операциях и обращался к Пану как к божеству, помогающему во время боя. К сожалению, нельзя окончательно утверждать, что подобные верования существовали на Боспоре. Ведь на этой стеле не сохранилась надпись, поэтому нельзя с уверенностью думать, что в погребении был похоронен боспорянин, а не приезжий. Однако, рельефные изображения Пана в декоре храма Диониса в Горгиппии (№ 71) и в одном из склепов Нимфея (№ 72) свидетельствуют, что и в римское время на Боспоре Пана включали в свиту Вакха.

Рядом с Дионисом постоянно присутствовали женщины, и в отличие от мужских спутников бога они не имели звериных черт (рис. 19). Античные авторы называли поклонниц Диониса вакханками, менадами, фиадами и нимфами. В представлениях эллинов нимфы олицетворяли живительные и плодородные силы природы; считалось, что они обитают в пещерах, рощах и лесах. По легенде, нимфы, вырастившие Диониса, стали поклонницами своего воспитанника и вошли в число его спутников (Hom. Hymn. XXVI, 9- 10).

В реальной жизни поклонниц Диониса называли вакханками или менадами. Первое наименование происходит от одного из имен бога, а второе является словом, производным от глагола *μαίνομαι* – «находиться в исступлении, безумствовать». Это отражает состояние, до которого доводили себя наиболее рьяные участницы дионисийских празднеств с помощью питья вина и танцев с резкими движениями головой, которые вызывали головокружение и

способствовали вхождению в транс. В мифах архаического времени спутницы Диониса назывались нимфами (Hedreen, 1994, p. 47- 49). Начиная с V в. до н. э., они постоянно именовались вакханками. Неслучайно Еврипид назвал одну свою трагедию «Вакханки», и в ее тексте это слово звучит намного чаще, чем менады. Существовали мифы о дружеских и враждебных отношениях вакханок с сатирами, силенами и Паном. Поэтому на памятниках искусства эти женщины то танцуют с ними (№ 30, 84), то убегают и обороняются от их притязаний (№ 15, 41, 43, 53).

Исходя из сказанного, спутницы Диониса, изображенные на вазах архаического периода, должны называться нимфами, а на памятниках искусства более позднего времени этих женщин следует именовать вакханками или менадами. Исследователи античного искусства заметили, что на вазах до конца VI в. до н. э. наблюдаются мирные отношения нимф, сатиров и силенов, а позже появляются сцены преследования вакханок, которые либо убегают, либо обороняются от неугодных поклонников. Возможно, это были иллюстрации сюжетов сатирических драм, в которых юмористически обыгрывались сексуальные притязания сатиров. Неслучайно на некоторых картинах такого рода нарисован музыкант в одеянии аккомпаниатора во время драматических представлений [Hedreen, 1994, p. 67]. Подобное изображение авлета имеется на одной лекане из Пантикапея (№ 15; рис. 11).

В разных греческих городах поклонницы Диониса объединялись в религиозные союзы для совершения таинств в честь Вакха (Diod. Sic. VI, 3). Наличие таких союзов в Милете [Иванов, 1923, с. 50], метрополии Тире, Ольвии и Пантикапея позволяет с определенной уверенностью думать, что в Северном Причерноморье также были подобные объединения, и здесь вакханки появлялись на дионисийских праздниках.

Мифические сюжеты о безумных поступках почитательниц Диониса известны по произведениям разных древних писателей; наиболее подробный и яркий рассказ такого рода изложен в трагедии Еврипида «Вакханки». Там Дионис наказывает фиванского царя Пенфея за критическое отношение к его культу; ведь царь осуждал поведение поклонявшихся богу менад, которые пьют вино, носят по лесам и рощам, разрывают диких зверей и «бегут с мужчиной ложе разделить» (Eur. Vach. v. 215- 262). Дионис устроил так, что в вакхическом безумии мать царя вместе другими поклонницами бога разорвала на части Пенфея, приняв его за льва, и затем после отрезвления в ужасе поняла, что убила сына.

Живые юные поклонницы Вакха служили натурой для скульпторов и художников. Выдающийся мастер Скопас в IV в. до н. э. изваял из мрамора статую танцующей неистовой менады; она восхищала греков в течение нескольких столетий, о чем свидетельствует эпиграмма, написанная Главком в I в. до н. э. (AP. IX, 774):

Камень паросский – вакханка. Но камню дал душу ваятель,
И, как хмельная вскочив, ринулась в пляску она.

Эту фиаду создав, в иступление, с убитой козою,
 Боготворящим резцом чудо ты сделал, Скопас.

Перевод Л. Блуменау.

Знаменитая в древности статуя известна сейчас по описаниям древних авторов и по частично поврежденной небольшой копии, находящейся в музее Альбертинум в Дрездене. Скульптор изобразил молодую женщину во время пляски, она закинула назад голову, ее лицо выражает экстаз, волосы разметались по спине, а развевающийся хитон обнажает половину тела. В одной руке менада держит нож, в другой козленка, животное, традиционно приносимое в жертву Дионису. Подобные моменты ритуалов, совершавшихся вакханками, можно видеть на золотых серьгах из Пантикапея (№ 81) и на бляшках, украшавших парадный костюм боспорской жрицы Диониса, похороненной в кургане Большая Близница недалеко от Фанагории. На рельефе одной бляшки менада держит нож и жертвенного ягненка (№ 85), на других украшениях она танцует под аккомпанемент тимпана, античного бубна, в который ударяет либо сама, либо сопровождающий ее сатир (№ 84).

Вакханок часто изображали с ударными инструментами, тимпанами (№ 67, 87; рис. 21) или с кроталами, аналогами современных кастаньет (№ 39, 73, 76, 77). Тело поклонниц Диониса покрывала небрида, шкура молодого оленя или пантеры, голову украшали венки из плюща (№ 78, 87), а в руках они держали тирс, характерный для изображений Вакха посох, увитый плющом и виноградом и увенчанный на конце шишкой (№ 46, 81, 83). В мифологических сценах вакханки изображались вместе с укрощенными Дионисом пантерами. Среди золотых бляшек из кургана Большая Близница есть фигурка женщины, едущей на пантере; в руке у нее канфар, кубок, из которого обычно совершались возлияния на алтарях Диониса (№ 82). А на краснофигурной вазе из Пантикапея вакханка едет на колеснице, запряженной двумя пантерами (№ 80).

Участие вакханок в религиозных церемониях на празднике Ленеи можно представить по рисунку на вазе IV в. до н. э. из Пантикапея (№ 78). Название этого дионисийского праздника, вероятно, происходит от одного из редких наименований менад $\lambda\eta\nu\alpha\iota$ или от винного чана $\lambda\eta\nu\acute{o}\varsigma$, а сам сосуд редкой формы, называемый стамносом, использовался именно на Ленеях. Месяц Ленеон, во время которого отмечали этот праздник, существовал в милетском календаре, им всегда пользовались в Ольвии и Тире, а на Боспоре до начала I в. до н. э. [Скржинская, 2009, с. 298, 299]. находка стамноса дает основание считать, что его использовали для священнодействий, во время которых в Пантикапее совершались ритуалы, сходные с изображенными на этой вазе [Лосева, 1974, с. 130-132].

На лицевой стороне вазы изображена женщина в дорическом хитоне с канфаром в руке; она подходит к стамносу, стоящему на столике с тремя ножками, заканчивающимися львиными лапами. Церемония возлияния сопровождается пляской вакханки в длинном хитоне, поверх которого на-

брошена шкура пантеры. Танцу аккомпанирует на аулосе третья женщина, одетая в хитон с темной каймой и с плюшевым венком на голове (рис. 20).

Оборотная сторона стамноса расписана более небрежно; композиция картины также составлена из трех женских фигур. Одна вакханка с тирсом идет, закинув назад голову, вероятно, выражая такой позой вакхический экстаз. Навстречу ей движутся две закутанные в плащи женщины; ближайшая к вакханке несет в руке факел (может быть, он указывает, что действие происходит ночью), у другой на голове надет венок из плюща, указывающий на ее причастность к дионисийскому культу.

Археологи находят множество обломков расписных сосудов при раскопках городов и поселений в Северном Причерноморье. Наиболее ранние образцы посуды с танцующими сатирами и нимфами были привезены в VI в. до н. э. на Березань, в Ольвию и Пантикапей из Клазомен и острова Хиоса (№ 30-33), позже их вытеснили афинские чернофигурные, а затем краснофигурные вазы [Копейкина, 1986, с. 33, 39; Сидорова, 1984, с. 115, 155]. Важно отметить, что местные мастера тоже обращались к изображениям спутников Диониса и делали это в русле сложившейся в Элладе традиции. Большинство сохранившихся подобных изделий относятся к боспорскому производству: в их число входят расписные вазы (№ 65), терракотовые маски и статуэтки из местной глины (№ 87; рис. 21), монеты с головой сатира на аверсе (№ 58; рис. 16, 17), костяные украшения мебели (№ 23; рис. 7) и известняковые рельефы (№ 70-72). Херсонесская и ольвийская формы для отливки терракот силена (№ 22) показывает, что подобные изделия производились и в других государствах Северного Причерноморья.

Завершая анализ письменных и изобразительных источников о спутниках Диониса, можно прийти к следующим выводам об их роли в жизни населения античных государств Северного Причерноморья.

Все члены свиты бога плодородия и виноградарства первоначально были персонажами народных мимических игр с участием лиц, наряженных зверями; они у многих народов сопровождали земледельческие культы. Подобные праздники, призванные стимулировать животворящие силы природы, сопровождались разгульным поведением, обильной едой и половой разнузданностью. Но только в Элладе эти фольклорные образы получили широкую известность в древней литературе и стали действующими лицами во время театральных представлений, а в изобразительном искусстве выработался общий узнаваемый тип каждого из этих персонажей.

Диониса сопровождали сатиры, силены и Пан, имевшие полузвериный облик. В этом плане они родственны другим миксантропическим существам, таким как кентавры, сирены и сфинксы. Но уже в конце VI – V вв. до н. э. сатиры и силены все больше становятся похожи на обычных людей. Обязательной чертой остается лишь хвост, а звериные ноги и большие рога остаются только у Пана; безобразными лицами наделяют лишь пожилых сатиров, молодые же красивы, как прочие божества.

и философ VI в. до н. э., назвал сражения греческих героев с кентаврами «вымыслом прежних времен» и призывал не увлекаться рассказами на пирах о подвигах в этих боях (Xenophon. Fr. 1. v. 20-24). Это косвенно указывает на древнее происхождение таких мифов и на их широкую популярность, что подтверждается многочисленными изображениями кентавров в искусстве VI-V вв. до н. э. Сюжеты росписей с участием кентавров на сосудах, входивших в парадные сервизы для приема гостей, подтверждают слова Ксенофана о том, что во время симпозиума вспоминали рассказы и стихи о сражениях Геракла и других героев с этими фантастическими существами. О том, что так было и в античных городах Северного Причерноморья, свидетельствуют расписные вазы для вина из раскопок в Ольвии, Борисфене и Пантикапее (№ 89-102).

Согласно преданиям, кентавры обитали в горах и были грубыми похотливыми существами с буйным нравом и необузданными страстями; в греческом языке имелось даже прилагательное *кентаврикός* (дикий или грубый, как кентавр). В античной литературе сохранилось множество имен кентавров, которые в архаический период выступали героями многих мифов, но большинство этих сказаний известно лишь по кратким упоминаниям античных авторов (Diod. Sic. IV, 12; Apollod. Bibl. II, 5, 4; Ov. Met. XII, 220-465; Ael. Var. Hist. XIII, 1) или по иллюстрациям на памятниках искусства. Например, в начале V в. до н. э. мастер Клеофрада представил на краснофигурном скифосе эпизод из неизвестного нам мифа, в котором кентавр хватал вестницу богов Ириду [Boardman, 1985, № 139].

В более позднее время популярностью пользовались лишь несколько сказаний с участием кентавров; рассказы о них входили в жизнеописания Пеллея и Фетиды, родителей Ахилла, а также в циклы мифов о подвигах Геракла и Тесея. Среди множества кентавров только двое – Фол и Хирон – считались мудрыми и благожелательными к людям. Первый был другом Геракла, а второй считался воспитателем нескольких греческих героев, в первую очередь Ахилла, и славился как искусный лекарь, знавший целебные свойства разных трав и умевший делать хирургические операции (Hygin. Fab. 274).

Миф о свадьбе Перифоя, которая закончилась дракой гостей, принадлежал к наиболее известным во всем греческом мире сказаниям с участием буйных кентавров. Перифой, царь лапифов, обитавших на севере Эллады в Фессалии, пригласил на многолюдное празднество своих друзей Тесея и Кеней, а также кентавров, родственников жениха, а по другим вариантам мифа родичей невесты (Diod. Sic. IV, 70; Apollod. Epit. 21). Во время свадебного застолья опьяневшие кентавры напали на невесту и присутствовавших на пиру женщин. Тогда вместе с лапифами Тесей и Кеней вступили в борьбу с насильниками; многие кентавры и лапифы погибли, а побежденные кентавры были вынуждены бежать в другие области Греции. На основании древних сказаний Овидий в «Метаморфозах» (XII, 210-536) подробно описал свадьбу Перифоя и разыгравшийся там бой. Это предание, известное сейчас в изложениях авторов I в. до н. э. – II в. н. э., было популярно задолго до этого времени. Достаточно

напомнить, что в Афинах рельефы с единоборствами лапифов и кентавров украшали 24 метопы Парфенона, щит огромной статуи Афины Промехос и фриз храма Гефеста на агоре [Колобова, 1961, с. 226, 227]. Сражение на свадьбе Перифоя было изображено на западном фронте храма Зевса в Олимпии, на фризе храма Аполлона в Аркадии на плоскогорье Бассы и на картине в афинском храме Тесея [Paus. I, 17, 28; V, 10; Виппер, 1972, с. 169, 204-206, рис. 186, 216-219].

Иллюстрация этого мифа нарисована на чернофигурной амфоре из Пантикапея (№ 95). На одной стороне вазы представлен эпизод расправы кентавров с Кенеем. Так как он был бессмертным и его нельзя было убить никаким оружием, кентавры зарыли его в землю и завалили огромными деревьями (Ov. Met. XII, 490-520). Вазописец изобразил двух кентавров, зарывающих Кенея в землю, а на другой стороне амфоры нарисовал воина, который поражает копьем кентавра, замахнувшегося камнем. Зритель на свое усмотрение мог считать воина Тесеем или лапифом, вступившим за честь приглашенных на свадьбу женщин.

В мифах о рождении и детстве Ахилла кентавр Хирон выступал помощником отца героя Пелея. Сначала Хирон дал ему совет, как усмирить строптивую невесту Фетиду, затем кентавр присутствовал на свадьбе и подарил жениху копье, которое в дальнейшем вошло в вооружение Ахилла. Вскоре после рождения сына, Пелей накануне отъезда в Колхиду вместе с аргонавтами решил отдать Ахилла на воспитание мудрому Хирону (Apollod. Bibl. III, 13). Иллюстрация этого эпизода украшает чернофигурный килик из Ольвии, на котором изображен Пелей, вручающий своего маленького сына Ахилла в руки кентавру (№ 96; рис. 22). В связи с этим стоит напомнить о сделанных греческими мастерами вещах, обнаруженных в скифском кургане Огуз. В комплект конской сбруи входили серебряные нащечники с позолотой. Изготовленные в IV в. до н. э., эти предметы попали к скифам через посредничество ольвиополитов или боспорян; по-видимому они украшали своих коней подобными изображениями, и вид такой сбруи понравился варварам. Рельеф на нащечниках состоял из фигур женщины с ребенком на руках и стоящего на задних ногах кентавра. По убедительному толкованию Е.Е. Фиалко, здесь представлены Хирон и его жена нимфа Харикло, держащая на руках Ахилла. Они, как написано в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (ст. 553-558), пришли на морское побережье проводить Пелея, отплывавшего вместе с другими аргонавтами за золотым руном [Фиалко, 1993, с. 85-90].

На большинстве предметов искусства из Северного Причерноморья иллюстрируются мифы о злых и диких кентаврах. Судя по росписям привозных ваз, сказания с участием этих фантастических существ колонисты знали с самого начала своей жизни на новой родине. Больше всего интересующих нас изображений сохранилось на импортных вазах из Афин второй половины VI-IV вв. до н. э. К эллинистическому периоду относятся немногочисленные фигуры на мегарских чашах (№ 105), инталиях (№ 104) и на уникальных свин-

цовых пластинках местного производства из Ольвии (106, 107), а в римское время они появляются в декоре светильников и саркофагов (№ 108, 109).

Многие изображения кентавров сохранились на осколках ваз, поэтому нельзя решить, какую роль они играли на этих частично уцелевших картинах. Кроме широко известных мифов зритель мог вспомнить менее распространенные варианты сказаний, например, о том, как кентавры Гилей и Рек пожелали овладеть замечательной охотницей Аталантой, но оба погибли от ее метких выстрелов из лука (Ael. Var. Hist. XIII, 1).

На нескольких вазах по характерным атрибутам можно определить Геракла, сражающегося с кентавром. Так на чернофигурном лекифе дубинка в руках мужчины, противостоящего кентавру, указывает зрителю на миф о подвигах Геракла (№ 94; рис. 23). В обширном цикле мифов о герое кентавры появлялись неоднократно. В античной литературе наиболее обстоятельно освещен сюжет о том, как Геракл посетил пещеру кентавра Фола. Рассказ включался в описание задания Эврисфея привести к нему живым страшного Эриманфского вепря. По пути Геракл зашел к Фолу и тот его радушно принял. Кентавр накормил гостя мясом и неохотно, по просьбе героя, открыл заветный сосуд с вином. Привлеченные его запахом, сбежались дикие кентавры, и Гераклу пришлось сражаться с ними. После поражения уцелевшие кентавры были вынуждены покинуть места своего прежнего обитания и разбежались в разные стороны (Diod. Sic. IV, 12; Apollod. Bibl. II, 5, 4).

Другой эпизод столкновения Геракла с кентавром относится к рассказу о переправе через реку Эвен. Там кентавр Несс за плату перевозил путников с берега на берег. Геракл поручил ему перевезти свою жену Деяниру, а сам самостоятельно переплыл реку. Очарованный красотой Деяниры, Несс попытался ее изнасиловать, но муж, услышав крик жены, поспешил на помощь и смертельно ранил кентавра. Умиравший Несс сказал Деянире, что его кровь, смешанная с его семенем, может стать надежным приворотным средством, если ей понадобится вернуть любовь Геракла, обратившего внимание на другую женщину. Через много лет Деянира, узнав о молодой сопернице, пропитала зельем Несса одежду мужа. На деле снадобье оказалось мстью кентавра: оно было ядом и послужило причиной смерти Геракла и самоубийства Деяниры, пришедшей в ужас от того, что погубила мужа (Soph. Trach. 283; Diod. Sic. IV, 36; Apollod. Bibl. II, 7).

Сцены с фигурами Геракла и кентавров могут относиться к названным мифам, а также к тем, которые кратко упомянуты античными авторами. Дидор Сицилийский писал, что герой расправился с кентавром Гомадом за насилие, учиненное над сестрой Эврисфея Алкионой, освободил дочь царя Дексамена от насильственного брака с Эврителином и нечаянно убил Хирона, а Филострат привел стихотворение, где сказано, что Геракл распял и повесил на сосне тело Асвола (Diod. Sic. IV, 12, 33, 36; Apollod. Bibl. II, 7, 6 Philostr. Her. XIX, 17). Серия подобных преданий послужила для образования одного их эпитетов знаменитого героя – кентаврубийца (κενταροφόνοϛ – Theocr. XII, 20).

В римский период изображения кентавров в античных городах Северного Причерноморья встречаются редко. Определенно можно сказать, что тогда на Боспоре были известны мифы об этих фантастических существах, так как их фигуры украшали светильники и саркофаги (№ 108, 109). В более ранние времена местные греки знали разнообразные предания о кентаврах; в Ольвии и городах Боспора охотно приобретали предметы искусства с их иллюстрациями, а в Тире и Херсонесе, судя по имеющимся археологическим находкам, к таким изображениям не проявляли особого интереса.

Минотавр и речное божество Ахелой представляли существа из соединения частей тела быка и человека. Бык с человеческим лицом и бородой обычно отождествляется с Ахелоем. Его изображения имеются на кизикинских статерах, найденных в Мирмекии и в Ольвии (№ 111), а также на золотых подвесках к ожерелью из Пантикапея (№ 113).

Минотавр представлялся грекам человеком с головой быка. Он обитал в построенном Дедалом лабиринте на острове Крит, и туда ему ежегодно (или раз в несколько лет) доставляли на съедение семь афинских юношей и девушек. Тесей добровольно вызвался войти в число жертв, отправлявшихся из Афин. Герой сумел убить Минотавра и выбраться из лабиринта с помощью нити, данной ему царевной Ариадной (Apollod. Bibl. III, 1, 3-4; Diod. Sic. IV, 61; Hug. Fab. 40-42). Сражение Тесея с Минотавром изображено на чернофигурном лекифе из Пантикапея (№ 110), а один Минотавр представлен на терракотовой статуэтке из Ольвии (№ 112). Сказания о Минотавре входили в цикл мифов о подвигах афинского героя Тесея, поэтому не случайно находки с иллюстрациями этих преданий относятся к периоду наиболее интенсивных контактов Боспора и Ольвии с Афинами.

Женские миксантропические существа

В античном фольклоре, литературе и искусстве сирены, сфинксы и горгоны, хорошо известные, начиная с эпохи архаики, были наиболее распространенными среди женских миксантропических существ.

Сирены

Сирены – фантастические существа с человеческой головой и телом птицы появились в греческом искусстве в конце VIII в. до н. э. [Buitron, Cohen, 1992, p. 108], а древнейшее в литературе упоминание о них содержится в «Одиссее» Гомера (XII, 166-200). Этот образ эллины заимствовали у восточных соседей. В народных преданиях сирены были демонами смерти; очарованные их пением моряки следовали за ними и попадали на остров мертвых, где на лугах белеют человеческие кости (Od. XII, 45-46). Облик сирен отражал представление о душе, отлетающей от тела умершего в образе птицы, а пение реальных птиц преобразилось в народной фантазии в изумительные песни сирен.

Греки рассказывали, что мало кому удавалось избежать смерти, приблизившись к сладкоголосым сиренам. Аргонавты счастливо миновали остров

Одиссея и трех сидящих на скале сирен, одна из них держит в руках лиру [ABF. № 286]. Ведь греческие певцы обычно сопровождали себя на струнных инструментах или пели в сопровождении аулоса. Поэтому сирен стали представлять с различными музыкальными инструментами как в литературных произведениях (Eur. El. 168-175; Apollod. Epit. VII, 18), так и на памятниках искусства [LMC, Bd. 8, Suppl. 1997, Taf. 736-738, 743]. На сохранившихся изображениях из Северного Причерноморья сирены с музыкальными инструментами встречаются, начиная с конца V в. до н.э. Они играют на лирах (№ 135, 141, 145), аулосах (№ 134, 136, 137), ударяют в бубны и кимвалы (№ 134), а кроталы в руках одной сирены позволяют думать, что она еще и танцует (№ 132).

Постепенно в изобразительном искусстве у сирен все большая часть тела становится человеческой, и к концу V в. до н. э. они становятся прекрасными молодыми женщинами с крыльями, птичьими ногами и хвостом. Таковы эти фантастические существа, изображенные на форме для рельефного украшения сосудов боспорского производства (№ 135), на упомянутом выше привезенном из Афин фигурном лекифе из Фанагории (№ 132) и на золотой подвеске к серьгам из кургана Зеленская гора на Тамани (№ 137). Фигурка на подвеске отличается тонкой ювелирной работой; она представляет играющую на двух длинных трубках аулоса крылатую обнаженную женщину с петушиными ногами (рис. 29). Чтобы подчеркнуть неотразимую силу чарующих человека сирен, художники изображали их не только с красивыми лицами, но и украшенными диадемами, ожерельями и браслетами (№ 132, 135).

Сирены у греков олицетворяли вестниц смерти. Сначала они представлялись эллинам злыми демонами, а, начиная с V в. до н. э., стали играть роль утешительниц в горе по умершему, которые оплакивают печальную участь покойного и исполняют погребальные песни. В трагедии Еврипида «Елена» (ст. 167-178) хор так утешает героиню, узнавшую о смерти близких:

Девы крылатые!

Дети Земли, сюда!

Сюда, о, сирены, на стон

Песни надгробной, девы,

С флейтой ли Ливии,

Иль со свирелью вы –

Слезного дара жду

Скорби взамен моей;

Муку за муку мне

В сладком созвучии!

Пусть Персефона примет от нас

В темном чертоге своем

Жертву рыданий для милых,

Милых усопших.

(перевод И. Анненского).

ную роль в погребальных обрядах вплоть до римского времени. В VI-IV вв. до н. э. сирены выступали в роли апотропеев, охраняющих владельцев их изображений. Начиная с классического периода, сирены олицетворяли прекрасное пение, и это представление дожило до наших дней.

Сфинксы

Сфинкс или Сфинга, фантастическое создание женского пола, впервые в античной литературе встречается в «Теогонии» Гесиода (стих. 326-327); и в том же VII в. до н. э. она появляется в росписях ионийских ваз (№ 150). Наименование чудовища эллины считали происходящим от глагола σφιγγω (душить, сжимать) и намекающим на способ расправы сфинкса со своими жертвами. Греки представляли ее существом с женской головой и грудью, присоединенным к телу льва. Античные авторы неоднократно упоминали один миф об этом чудовище, известный во всей Элладе, а памятники искусства свидетельствуют, что это предание знали и на северной окраине греческой ойкумены. В мифе рассказывалось, как Гера в наказание царю Лаю послала Сфинкс в его владения. Расположившись на горе около города Фивы, она задавала всем проходящим к ней загадку и пожирала не сумевших дать верный ответ. Так погибли многие фиванцы, в том числе и Гемон, сын царя Креонта. Лишь Эдип сумел ответить на вопрос: кто утром ходит на трех, днем на двух, а вечером на трех ногах; это человек в младенчестве, в дальнейшей жизни и в старости. После того, как загадка была разгадана, сфинкс в отчаянии бросилась со скалы и погибла, а по другой версии мифа Эдип ее убил (Soph. Oid. Tyr. 1198; Diod. Sic. IV, 64, 4; Apollod. Bibl. III, 5, 8; Hyg. Fab. 67).

Безусловно, в архаический период существовали разные предания о деяниях Сфинкс. Об этом свидетельствуют многочисленные рисунки на вазах, изготовлявшихся во многих ионийских городах; сюжеты их росписей не относятся к упомянутому мифу. Некоторые версии мало известных мифов кратко упомянул Павсаний (IX, 26, 2-4). На трех пеликах из Пантикапея сохранились иллюстрации самого известного сказания о Сфинкс (№ 189, 190). На двух она задает юноше вопрос, а на третьей хватает молодого человека, чтобы убить его, не сумевшего отгадать загадку.

Первоначально греки, вероятно, думали, что существовало нескольких сфинксов, так как на вазах их рисовали по два или три. Наверное, они, подобно сиренам, были демонами смерти [Фармаковский, 1921, с. 31]. Поэтому Еврипид назвал Сфинкс порождением и посланницей Аида (Eur. Phoen. 810, 1019-20), а Эсхил именовал ее Керой, богиней насильственной смерти (Aesch. Sept. 539, 776).

Вместе с другими миксантропическими чудовищами сиренами и горгонами, изображения сфинксов служили их владельцам оберегами от злых сил. Поэтому греки в Северном Причерноморье носили перстни (№ 174, 193), резные печати (№ 171, 192), серьги и браслеты (№ 185, 187, 188) с фигурами сфинксов (рис. 30, 31), нашивали на одежду и покрывала бляшки с их изображениями (№ 180, 186), а также приобретали зеркала (№ 179),

бронзовую (№ 194, 195) и глиняную посуду с подобными украшениями. Сфинксы нарисованы на керамике самых разнообразных форм, в основном на сосудах для вина (№ 153-155, 159, 162-170, 172, 193, 194) и масла (№ 161, 176, 178, 181, 183, 191), иногда на туалетных вазах (№ 156, 157, 160), на гуттусах для питания младенцев (№ 184).

Образ фантастических сфинксов сопровождал эллинов с первых лет жизни на северном краю ойкумены, то есть со второй половины VII в. до н. э. (№ 150). Сначала рисунки сфинксов появились здесь на привозной восточнореческой керамике (№ 150-157, 159, 165, 166), а со второй половины VI в. и в V–IV вв. до н. э. подобные рисунки встречаются на вазах, доставленных из Аттики (158, 160-164, 167-170). Сфинксы были излюбленными персонажами хиосских вазописцев (рис. 32); образцы таких росписей мы видим на крышках сосудов, леканах, пиксидах и на кубках из Борисфена и Кеп (№ 151, 154-157). На хиосских и аттических вазах сфинксы могут находиться рядом с хищными животными, например, со львами (№ 156, 160) и пантерами (№ 175), или с другими фантастическими существами – сиренами (№ 159) и грифонами (№ 183). Зачастую один сфинкс занимал все поле картины на вазе, например, на клазоменских амфорах, найденных в Ольвии и на Тамани (№ 165, 166).

Наибольшее количество изображений сфинксов сохранилось в Ольвии, что говорит об особой популярности этого мифического образа в среде ольвиополитов в VI–V вв. до н. э. Только за период раскопок 1954-1974 гг. археологи обнаружили там более 50 фрагментов аттической керамики с изображениями сфинксов, и это несравнимо больше, чем в любом другом городе Северного Причерноморья [Шауб, 1979, с. 60-65]. Здесь же найден обломок мраморной скульптуры сфинкса (№ 177). Геродот (IV, 79) писал, что большой дом царя Скила в Ольвии украшали каменные статуи грифонов и сфинксов, которые, по-видимому, были призваны отвратить зло от хозяина дома [Доватур и др., 1982, с. 319]. Вероятно, подобные статуи находились и около других богатых ольвийских домов, с которых скифский царь взял пример для своего жилища. Упомянутый фрагмент скульптуры обычно называют грифоном [Доватур и др., 1982, с. 319; Штительман, 1977, № 30], но на нем можно различить начало женской груди, так что это, скорее всего, сфинкс.

Самые ранние аттические сосуды с фигурами сфинксов относятся к первым партиям расписной керамики, привезенной из Афин в Северное Причерноморье в первой половине VI в. до н. э. Таковы, например, кратер из Ольвии и лекиф с Березани с изображением двух сфинксов, сидящих в геральдической позе (№ 161, 162), или ольвийский кратер, на котором мастер нарисовал три фигуры в плащах, стоящие между двумя сфинксами, и украсил их изображениями ручки вазы (№ 163; рис. 33). На других чернофигурных сосудах сфинксы также обрамляют стоящие человеческие фигуры, а иногда находятся по обеим сторонам многофигурных сцен сражений греческих воинов (№ 169) или битв эллинов с амазонками (№ 167, 168).

В V в. до н. э. сфинксы, подобно сиренам и горгонам, перестали привлекать внимание вазописцев, а на рубеже V-IV вв. до н. э. они вновь начинают их рисовать (№ 181, 184, 189-190). Лучшее изображение сфинкса сохранилось на фигурном лекифе из Фанагории. Это редчайший образец вазы, на которой хорошо уцелела первоначальная раскраска, и она справедливо считается шедевром античного прикладного искусства (№ 176). Здесь сфинкс, как и другие миксантропические существа в этот период, уже не грозное чудовище, а прекрасная фантастическая женщина. У нее золотые волосы, украшенные венцом с золотыми розетками; на щеках красавицы играет румянец, стройную шею обвивают три ряда золотых бус, белое тело было оттенено крыльями с ярко голубыми, теперь позеленевшими, перьями. Над спиной высится венчик с ручкой краснофигурного лекифа, а постамент статуэтки раскрашен розовой и голубой красками (рис. 34). Б.В. Фармаковский заметил, что создатель фигурной вазы рассчитывал на определенный ракурс, с которого надо смотреть на статуэтку. Небольшой лекиф естественно разглядывать, подняв его за ручку на уровень лица, поэтому он лучше всего выглядит с этой точки зрения. Тогда Сфинкс своим чарующим взором смотрит прямо в глаза зрителя; пропорции ее тела воспринимаются как вполне гармоничные, а в иных положениях шея кажется слишком удлиненной, а грудь несколько сдавленной [Фармаковский, 1921, с. 31]. Эти наблюдения показывают, что лекиф изготовлен как дорогой туалетный флакон, а не специальный сосуд для погребального обряда.

Итак, памятники искусства с изображением сфинксов могли служить оберегами, они также напоминали сюжеты мифов, зачастую связанных с загробным миром. Поэтому их нередко помещали в могилы, а вазы с такой росписью иногда использовались в качестве погребальных урн [№ 159; Алексеева, 1997, с. 21].

Горгоны

Наименование горгон происходит от греческого прилагательного γοργός, означающего нечто страшное или ужасное. Такими были устрашающие маски, называемые горгонейонами. Их часто рисовали на керамических сосудах периода архаики, и там они служили апотропеями, защищавшими от злых сил. Такая маска возникла в глубокой древности, и в ней сочетались черты человека и зверя. Предание об ужасном взоре подобного чудовища, превращающего человека в камень, имело в основе чувство оцепенения от страха при встрече со страшными дикими животными. Единый тип горгонейона (маски горгоны) установился в греческом искусстве в VII в. до н. э. Лицо чудовища имело выпученные глаза, открытый рот с огромными клыками и высунутым языком, а на голове вместо волос извивались змеи [Howe, 1954, p. 215].

Горгонейон часто служил украшением расписных сосудов эпохи архаики, и его изображение греки считали оберегом от злых сил. В Северном Причерноморье древнейший образец относится к сороковым годам VII в. до н. э.: это фрагмент ионийской тарелки из раскопок Березани (№ 196). В Борисфене, Ольвии, и на Боспоре вино часто пили из аттических киликов, на дне которых нарисована

маска горгоны (№ 198, 201-203, 205, 206; рис. 35), реже ее помещали на стенку сосуда, например, на тулово скифоса, найденного на Березани (№ 204; рис. 36). В эллинистический период рельефные маски горгон входили в декор так называемых мегарских чашек (№ 231, 232) и иногда украшали туалетные сосуды (№ 223). По верованиям греков, подобное изображение могло защитить от несчастья как отдельного человека, так и город. Такой цели служил позолоченный рельеф с головой Медузы-горгоны на южной стене Акрополя (Paus. I, 21, 4). Сходную функцию несли маски горгоны на архитектурных деталях храмов в Ольвии, Пантикапее, Нимфее и Феодосии (№ 199, 216, 221, 222, 228, 230). О вере в силу такого изображения красноречиво свидетельствует неумело прочерченный жителем Ольвии рисунок маски на сероглиняном сосуде (№ 214).

То же значение имела горгона и на ювелирных изделиях, найденных в Тире, Ольвии и на Боспоре. Ее рельефные маски украшали камен (№ 241) и медальоны (№ 234), а обнаруженное в Ольвии одно из лучших греческих зеркал архаического времени имеет на круглом окончании ручки лицо горгоны (№ 200; рис. 37). Особо следует выделить горгонейоны на защитных доспехах воинов и убранстве боевых коней. Начиная с архаического времени, эллины широко использовали маски горгон в декоре доспехов [Трейстер, 2009, с. 122]. Изображения служили апотропеями, охранявшими бойца, напоминали об убийственном взгляде этих чудовищ на их противников и таким образом помогали одержать победу. На Боспоре маски горгон украшали панцири (№ 210, 219), поножи (№ 218) и конскую сбрую (№ 235). Бронзовый нагрудник панциря, находившегося в кургане у станицы Елизаветинской в Прикубанье исполнен мастером, подражавшим архаическим образцам. Устрашающее лицо горгоны имеет выпученные глаза, оскаленные зубы и высунутый большой язык; оно во многом сходно с маской на поножах из Пантикапея, сделанных в первой половине V в. до н. э. (№ 219). Однако серьги и бусы горгоны указывают, что панцирь изготовили на рубеже V-IV до н. э., а не в архаический период, как предполагали некоторые исследователи [Трейстер, 2009, с. 122-127]. Этот панцирь и поножи из Пантикапея долгое время служили не одному владельцу, потому что поножи попали в погребение не менее чем через 50-70 лет после их изготовления, а панцирь неоднократно ремонтировался [Трейстер, 2009, с. 130, 131].

Художники довольно редко показывали горгон в полный рост; подобные фигуры на предметах искусства из Северного Причерноморья относятся к VI-V вв. до н. э. (№ 197, 207, 208, 215). Великолепный образец такого изображения принадлежал жителю Пантикапея (№ 208); оправленная в золото голубая халцедоновая инталия служила ее владельцу оберегом и печатью (рис. 38). В начале V в. до н. э. выдающийся мастер вырезал на камне истинный шедевр [Неверов, 1983, с. 34]. Голова горгоны представляет традиционную маску; изящное молодое женское тело этой фантастической женщины, вызывавшей, подобно сиренам, ужас и восхищение, облачено в полупрозрачную одежду и снабжено четырьмя серповидными крыльями; такие же крылья, но мень-

ших размеров, прикреплены к сапожкам на ногах. Характерная для многих фигур архаического времени поза «коленипреклоненного бега» в сочетании с крыльями, по-видимому передает полет этого фантастического существа.

Три горгоны, рожденные морскими божествами Форкием и Кето, обитали, по верованиям греков, у Океана на границе с потусторонним миром. Две из них Стено (сильная) и Эвриала (далеко прыгающая), были бессмертными, а третья Медуза (владычица) не обладала этим качеством, поэтому в самом знаменитом мифе о Горгонах погибает третья сестра. По преданию, Персей неосторожно пообещал царю Полидекту подарить на свадьбу голову горгоны. Боги Афина и Гермес помогли Персею справиться с этой труднейшей задачей, указав, как добыть для ее исполнения волшебные предметы: крылатые сандалии, чтобы пролететь над океаном, сумку для своей добычи и шапку-невидимку. Избегая убийственного взора горгоны, Персей отрубал голову Медузы, глядя на ее отражение в своем щите. Из обезглавленного тела выпрыгнули ее сыновья от Посейдона – Хрисаор и крылатый конь Пегас. Герой сложил голову горгоны в сумку и двинулся в обратный путь. Стено и Эвриала бросились преследовать убийцу сестры, но он, надев шапку-невидимку, легко скрылся от них. Затем Персей отдал Гермесу крылатые сандалии и волшебную сумку, а голову Медузы вручил Афине, которую она поместила на свой щит (Hes. Theog. 276-278; Pind. Pyth. X, 43- 48; Apollod. II, 4, 2- 4).

Иллюстрации этого сюжета сохранились на нескольких памятниках искусства VI-IV вв. до н. э. из Северного Причерноморья, что свидетельствует о знании здесь этого мифа. На одной пелике из пантикапейского некрополя нарисован Персей, отсекающий голову Медузе (№ 226). Следующий этап мифа изображен на чернофигурном скифосе, найденном на Березани (№ 207). Там нарисованы три крылатые горгоны в коротких хитонах; у средней нет головы, а две другие в позе коленипреклоненного бега, наверное, спешат догнать убийцу (рис. 39), но его не видно, потому что Персей успел надеть шапку-невидимку. Около горгон находится дельфин, напоминающий об их связи с морской стихией. Идентичная по содержанию сцена украшала костяную облицовочную пластинку, обнаруженную близ Горгииппии (№ 215). На ее обломке уцелела фигура поверженной Медузы и ее бегущей сестры.

В первоначальном варианте мифа Афина поместила голову Медузы на свой щит. Аполлодор в своей «Мифологической библиотеке» изложил эту версию, опираясь на какой-то древний источник. С середины VI в. до н. э. в Афинах стали считать, что горгонейон украшал эгиду Афины [Marx, 1993, p. 238]. На памятниках искусства из античных государств Северного Причерноморья первый вариант изображений (№ 213) встречается гораздо реже, чем второй (№ 209, 220, 227, 233, 239), и большинство их происходит из Ольвии. Там выделяли особо важную роль Афины в предании о Медузе горгоне и рассказывали о чудесных защитных свойствах ее головы. Отражением таких

представлений ольвиополитов стали маски чудовища на местных монетах V-IV вв. до н. э. [№ 217; Русяева, 1992, с. 92].

Неслучайно именно в Ольвии найден штамп для производства бляшек с головой горгоны (№ 224). Подобные золотые и бронзовые украшения V-IV вв. до н. э. на одежде и покрывалах найдены во многих погребениях разных греческих некрополей в Северном Причерноморье (№ 211, 212, 225, 229); возможно, такие бляшки нашивали только на ткани, использовавшиеся в погребальном обряде. Памятуя о связи горгон с потусторонним миром, художники рисовали их маски на стенах пантикапейских склепов (№ 237, 240) и украшали их масками саркофаги, найденные в разных некрополях Боспора (№ 238).

Рассмотренные произведения искусства охватывают почти весь период существования античных городов в Северном Причерноморье. Это свидетельствует о том, что предания о горгонах всегда входили в круг известных здесь мифов. Большинство рассмотренных памятников привезены из Эллады. К работам местных мастеров относятся ольвийские монеты (№ 217), росписи пантикапейских склепов (№ 237, 240), некоторые рельефные нашивные бляшки и ольвийский штамп для их производства (№ 224).

Вероятно, надо считать ошибочным широко распространенное в научной литературе отождествление почти всех горгонейонов с Медузой. Конечно, именно Медуза изображена на иллюстрациях мифов о Персее и на щите или эгиде Афины. Однако маски, имевшие апотропеическое значение, относятся вообще к горгонам, которые все три имели одинаково страшный вид и взор, обращавший все живое в камень. В искусстве эллинистического периода все фантастические существа стали утрачивать свой первоначальный ужасный вид. Это коснулось и горгон, их лица перестали отличаться от обычных человеческих, а змеи лишь намечались в волосах. Такое изменение в облике горгон можно видеть и на памятниках искусства из Северного Причерноморья эллинистического и римского времени (рис. 40).

Прорастающая дева

По сравнению с сиренами, сфинксами и горгонами, так называемая прорастающая дева встречается в античном искусстве гораздо реже. Ее описание и роль в древнем фольклоре и литературе отсутствует в письменных источниках, так что можно лишь догадываться о смысле подобного образа. Сейчас признаны несостоятельными попытки отождествить ее со змееной богиней из Скифского рассказа Геродота, так как ни на одном ее изображении нет змей. Эта дева имеет вместо ног растительные побеги, расходящиеся из обращенного вниз куста аканфа, составляющего нижнюю часть ее туловища (рис. 41). Фантастическая женщина бывает крылатой (№ 242-244) и бескрылой (№ 245), концы ее крыльев и конечностей из растительных побегов могут оканчиваться головами птиц или грифонов, которых раньше ошибочно принимали за змей [Буйских, 2006, с. 137-138].

В основе подобных изображений лежал заимствованный эллинами из Пе-

редней Азии образ богини Владычицы зверей. Греки могли отождествлять ее с разными божествами, чаще всего, наверное, с Артемидой. Как и в других греческих государствах, в Херсонесе и на Боспоре «прорастающая дева» появляется в искусстве эпохи раннего эллинизма. Ее изображали и местные мастера, о чем свидетельствует декор капители из Херсонеса (№ 244; рис. 49), а также некоторые золотые бляшки и другие ювелирные изделия, служившие украшениями не только у греков, но и у их соседей варваров [Трейстер, 2001, с. 151]. На Боспоре эта фигура встречается и в римское время (№ 245).

Морские фантастические существа

Море всегда играло огромную роль в жизни эллинов. По нему пролегли пути сообщения между большинством греческих городов, которые имели торговые и военные корабли, плававшие в разные, порой весьма отдаленные страны. Греки добывали из моря рыбу и моллюсков, составлявших важную часть их питания. В морских сражениях решались судьбы многих античных государств. Все это способствовало тому, что в устных преданиях и литературе появлялось множество рассказов о владыке моря Посейдоне и фантастических обитателях морских глубин; среди них были морские нимфы nereиды, тритоны, морские драконы, кони и даже кентавры.

Греки считали, что у «морского старца» Нерея и океаниды Дориды было пятьдесят дочерей, которых по имени отца называли nereидами (Hom. II. XVIII 39-49; 141; Hes. Theog. 240-242; Hyg. Fab. Praef. 8). Древние авторы назвали несколько десятков имен nereид; часто они означали разное состояние моря. Например, Галена олицетворяла чистое спокойное состояние воды (Hom. Od. VII, 319; X, 94), имя Амфитриты (оглашающая окрестности шумом волн) в поэзии могло означать само понятие море. По верованиям греков, nereиды обычно благожелательно относились к людям и помогали вызывающим к ним во время морских бедствий (Eur. Hel. 1584-87; Ant. Pal. VI, 349; Ant. Anab. I, 11, 6). Например, Геродот (VII, 191) пишет о том, что во время Греко-персидской войны страшная буря утихла после жертвоприношения Фетиде и другим ее сестрам nereидам.

Фетида, мать Ахилла, и Амфитрита, супруга Посейдона, выступали героинями мифов чаще остальных своих сестер. По легенде, они обе не желали выходить замуж. Амфитрита укрылась от преследований жениха в гроте, но там ее нашел посланный на поиски дельфин и доставил к Посейдону. Иллюстрация этого сказания нарисована на краснофигурной пелике из Пантикапея (№ 257). Вазописец изобразил nereиду на спине дельфина, подплывающего к сидящему с трезубцем Посейдону (рис. 42).

В подводном дворце вместе с Посейдоном и Амфитритой жил их сын Тритон (Hes. 930-933; Hyg. Fab. Praef. 18). Он имел облик человека с туловищем, переходящим в чешуйчатое тело рыбы или морской змеи; его хвост оканчивается раздвоенным плавником или двумя клешнями рака. В Северном Причерноморье древнейшие изображения Тритона относятся ко второй половине

VI в. до н.э. Тогда в Мирмекии обращались кизикийские статеры с рельефом бородатого Тритона (№ 247), его изображение украшало дно килика в сервизе, принадлежавшем ольвиополиту (№ 246).

Тритон и nereиды, плывущие на морских конях, присутствуют на рыбных блюдах с иллюстрацией мифа о похищении Зевсом финикийской царевны Европы (№ 252; рис. 43). Многочисленные осколки и шесть полностью сохранившихся блюд с такой росписью найдены исключительно на Боспоре, поэтому можно заключить, что афинские вазописцы в первой четверти IV в. до н.э. специально расписывали эти блюда для боспорян. Конечно, все персонажи, участвовавшие в мифе, были хорошо известны заказчикам. Несколько десятков фрагментов подобных изделий обнаружено в насыпях курганов, в гробницах и местах заупокойной трапезы и лишь два обломка в городских слоях. Это показывает, что их использовали преимущественно для погребальных ритуалов, и спутники Европы имели отношение к потустороннему миру. Путешествие царевны из родного дома через море на Крит для свадьбы с Зевсом мыслилось как символ перехода души из мира живых в мир мертвых, а nereиды и Тритон были проводниками в потусторонний мир, лежавший где-то за океаном, омывающим землю [Barringer, 1991, p. 662-666; Скржинская, 2005, 364-373]. Это свойство nereид нашло отражение в том, что их изображали в декоре саркофагов (№ 257).

В эллинистический период фигура Тритона приобрела у художников декоративный характер, и их стали изображать по несколько в одной картине. В составе свиты Посейдона и его супруги они сопровождали бога и трубили в большие морские раковины. Так была украшена шкатулка с накладными костяными пластинками, принадлежавшая жителю Тиритаки (№ 263). В это же время иногда появляются женские соответствия тритонов. Их можно увидеть на позолоченных удилах, которые входили в убранство коня на азиатской части Боспора (№ 260) и в декоре саркофага из некрополя Горгииппии (№ 259).

Морской конь гиппокамп представлен в античной литературе и искусстве в основном как животное, перевозящее Посейдона и nereид. Это фантастическое существо имело голову и тело коня, переходящее в рыбий хвост, оканчивающийся таким же плавником или клешнями рака, как у Тритона и морского дракона (рис. 44). В культуре Посейдона конь играл заметную роль. Недаром в гомеровском гимне (XXII, 6) бог назван укротителем коней, а одна из эпиклез бога Гиппий прямо указывала на его покровительство и связь с лошадьми (Paus. VIII, 25, 3; 37, 7). Это способствовало появлению представления о том, что Посейдону и nereидам служат морские кони. В знаменитом святилище Посейдона на мысе Микале в Малой Азии находилась статуя бога с гиппокампом в руке (Strab. VIII, 7).

Эти образы были хорошо известны в античных государствах Северного Причерноморья. На чернофигурном лекифе из Пантикапея Посейдон нарисован едущим на гиппокампе (№ 248), а nereиды, сидящие на гиппокампах,

украшают расписные вазы, золотые подвески и саркофаги из раскопок Боспора (№ 251, 254, 258) и терракоту из Ольвии (№ 249). Иногда nereиды плывут на иных фантастических существах: морских драконах и кентаврах. Гиппокентавр в изобразительном искусстве встречается редко, а в Северном Причерноморье, насколько мне известно, присутствует лишь на одном саркофаге IV в. до н. э. (№ 258). По упоминанию Платона (Phaedr. 229e) о «нелепых чудовищах», в числе которых назван гиппокентавр, можно заключить, что он фигурировал в мифологии эллинов V-IV вв. до н. э., то есть как раз в то время, когда был сделан упомянутый саркофаг.

Гиппокампы и морские драконы иногда встречаются и как отдельные персонажи. Их фигурами украшали колесницы (№ 261), кольца, диадемы, нашивные бляшки (№ 250, 251, 253, 262). Прототипом морского дракона, вероятно, был морской конек. Его узкая морда иногда увенчивалась рогом, шея снабжалась перепончатым гребнем, чешуйчатое змеиное тело могло иметь крылья или плавники (рис. 44-46). К древнейшим изображениям морского дракона в Северном Причерноморье относятся золотые бляшки конца V в. до н.э. из кургана Куль-Оба; бляшки с подобным изображением были нашиты на одежду и покрывала в могилах курганов Большая и Малая Близница (№ 250). Лучшие изображения этого фантастического животного сохранились на перстне из Павловского кургана (№ 253) и на диадеме из некрополя Пантикапея (№ 262). Синяя стеклянная вставка в золотой перстень изображает море, по которому плывет золотой дракон в окружении рыб (рис. 45). На украшенной гранатами золотой диадеме два дракона обрамляют центральную фигуру крылатой богини (рис. 46). Из-за отсутствия такого сюжета в письменных источниках смысл этой композиции сейчас едва ли поддается убедительному толкованию.

Среди изображений nereид, плывущих на морских фантастических существах, определенно можно выделить лишь Фетиду. Жители Северного Причерноморья нередко вспоминали мифы об этой nereиде. Ведь она несколько раз появляется в поэмах Гомера, известных с детских лет каждому греку (Il. I, 538; VI, 135; XVIII, 35; Od. XXIV, 75). Кроме того, Фетида была героиней нескольких мифов об острове Белом (по-гречески Левке), лежащем в море близ устья Дуная. Его открыли милетские мореходы, покоря неизведанные просторы Черного моря, которое первоначально казалось частью океана, омывающего всю сушу. Моряки, считая, что они подошли к пределам ойкумены, приняли необитаемый островок за мифическую Левку, населенную духами героев, среди которых находился сын Фетиды Ахилл. Уже в VI в. до н.э. там появилось святилище Ахилла, и остров получил второе наименование по имени героя [Охотников, Островерхов, 1993, с. 104-117].

Одна из древнейших записей легенд о присутствии Фетиды в Причерноморье сохранилась в трагедии Еврипида «Андромаха» (ст. 1237-1238): nereида говорит, что она похоронила сына на Белом острове, и теперь там обитает его дух. В одной из версий мифа об Ахилле на Левке рассказывалось,

Причерноморье большинство греческих поселений, и колонисты вместе с другими мифологическими персонажами принесли на новую родину образ фантастического грифона. Его наименование заимствовано эллинами из семитских языков, а сюжеты в литературе и искусстве первоначально опирались на ближневосточные мифы и изображения [Яйленко, 1990, с. 214, 223]. Подобно прочим заимствованиям у других народов, эллины со временем творчески переработали этот образ, так что грифон органично вошел в ряд греческих сказаний и стал частым мотивом декора в монументальном и прикладном искусстве. Достаточно напомнить, что Фидий украсил фигурами грифонов шлем Афины на статуе, стоявшей в Парфеноне (Paus. I, 24, 6). Об этом хорошо знали боспоряне, даже не бывавшие в Афинах, ведь в IV в. до н. э. в Пантикапее, Нимфее и в святилище на Тамани пользовались позолоченными вотивными медальонами с изображением головы прославленной статуи богини (№ 286). С Боспора в курган Куль-Оба попали две крупные золотые подвески с лучшим из сохранившихся изображений головы фидиевской скульптуры Афины в шлеме с отогнутыми нащечниками, украшенными грифонами (№ 285).

По сравнению с немногими сюжетами в уцелевшей античной литературе памятники искусства отразили гораздо большее количество иллюстраций мифов с участием грифонов. Археологические находки из античных городов Северного Причерноморья позволяют познакомиться с некоторыми из этих мифов и распознать в них общегреческие и местные черты.

Краткие описания грифонов вполне соответствуют их изображениям, исполненным греческими мастерами. Как и в литературе, древнейшие памятники искусства с такими персонажами относятся к VII-VI вв. до н. э. Некоторые из них привозили в Северное Причерноморье, из чего можно заключить, что зрительный образ грифона сопровождал колонистов с самого начала жизни на новой родине. К таким свидетельствам относятся найденный в Ольвии фрагмент ионийской вазы третьей четверти VII в. до н. э. (№ 295), обломки ионийской ойнохой и аттических чернофигурных сосудов VI в. до н. э. из раскопок Березани и Пантикапея (№ 274, 275).

Изображения грифонов традиционно разделяют на львиноголовых и орлиноголовых; первые имеют вид крылатого льва с длинными рогами на голове, обращенной в анфас к зрителю (рис. 48). Редкий случай изображения двух таких грифонов в профиль сохранился на капители, найденной в Херсонесе (рис. 49; № 272). Древние авторы не упоминали о львиноголовых грифонах, а в искусстве они встречаются реже орлиноголовых. У последних такое же тело с крыльями на спине, более длинная шея с зубчатым гребнем, а узкая голова в профиль снабжена стоячими ушами и оканчивается либо клювом (рис. 54, 55, 60), либо сходна с тупой мордой ящера (рис. 50). О последнем завершении головы редко упоминается в научной литературе, однако на ряде памятников это четко видно, например, на известняковых рельефах из Пантикапея (№ 288, 292). В архаический период у грифонов

вдоль шеи вились локоны, а серповидные крылья оканчивались закруглением, не имеющим аналогов в природе. Такие крылья изображали и у других фантастических существ, сирен, медуз, сфинксов, крылатых коней и др. В классический период художники начали всех их снабжать крыльями, более похожими на птичьи: они имеют угловатый излом и острое окончание (рис. 54-57, 60, 62). Однако давняя традиция представлять грифонов с серповидными крыльями не была полностью отвергнута в эллинистическое и даже в римское время; хорошие примеры такого рода представляют рельефы на капители известняковой колонны (№ 272; рис. 49) и на стенке мраморного саркофага из Херсонеса (№ 294; рис. 51).

По памятникам искусства можно заключить, что в ряде преданий грифоны служили богам. Они ездили на них верхом или запрягали в свои колесницы. Страбон (VII, 12; С. 343) писал, что в святилище Артемиды на Пелопоннесе близ устья Алфея есть знаменитая картина «Артемиды, уносящаяся на грифоне». Греческая Артемиды имела многие черты древней малоазийской богини Владычицы зверей, поэтому в фольклоре возникло представление о подчинении ей свирепых грифонов. Древнюю богиню изображали женщиной, имеющей вместо ног расходящиеся в разные стороны растительные побеги. Такая фигура между двумя грифонами (№ 272; рис. 49) находилась на упомянутой капители какого-то монументального здания в Херсонесе.

На аттических вазах Афродита иногда нарисована едущей на колеснице, запряженной грифонами. Ваза с такой росписью найдена в Пантикапее (№ 299). По верованиям эллинов, Афродита с помощью внушаемых ею любовных желаний усмиряла даже диких зверей и чудовищ, и в число последних входили грифоны. В письменных источниках эти предания не сохранились.

Аполлон чаще прочих богов имел своим спутником грифона, который иногда служил символом этого бога [Виноградов, Шауб, 2005, с. 220-221]. Наиболее яркий пример такого символа – львиноголовый грифон на пантикапейских золотых статерах IV в. до н. э. (№ 271; рис. 48). Видимо, то же значение имели орлиноголовые грифоны на других монетах, выпущенных в Пантикапее, Синдской гавани и в Херсонесе (№ 281, 287, 291).

В одном древнем предании об Аполлоне рассказывалось, что раз в несколько лет бог посещал сказочную страну гипербореев (Diod. II, 47), обитающих где-то далеко на севере за пределами северного ветра борея (Her. IV, 13). Аполлон летел туда по воздуху на грифоне или на лебедь. Древнейшее известное сейчас изображение Аполлона с грифонами найдено на острове Делосе, считавшемся родиной бога. Туда, согласно легенде, гиперборейи ежегодно отправляли свои дары Аполлону (Her. IV, 33; Callim. Hymn. IV, 292; Paus. I, 31, 2). На острове у знаменитого во всем греческом мире храма справлялись Аполлонии, панэллинские празднества, в которых принимали участие ольвиополиты, херсонеситы и боспоряне [Граков, 1939, № 21-28]. Милетяне также считали грифона одним из символов Аполлона, поэтому изображения львиноголо-

вых и орлиноголовых грифонов входили в декор милетского храма этого бога [Heres, 1970, S. 149- 162; Charbonneaux, 1970, p. 30, fig. 24].

Афинские вазописцы иногда изображали Аполлона едущим на грифоне (LIMC, Bd. 1, 1985, S. 414- 415). Килик с таким рисунком, исполненным в IV в. до н. э., найден на хоре Херсонеса (№ 300). В IV-II вв. до н. э. выпускались херсонесские монеты с грифоном, символом Аполлона, на одной стороне и изображением его сестры Артемиды на другой (№ 291). Поэтому можно заключить, что в Северном Причерноморье издавна знали о грифоне как спутнике Аполлона. Подобное представление сохранялось и в первые века нашей эры, о чем свидетельствует фреска в пантикапейском склепе; там нарисован Аполлон с лирой, едущий на грифоне (№ 306; рис. 52).

Дионис был еще одним богом, которому покорялись грифоны. На одной краснофигурной вазе, хранящейся в Лувре, изображен Дионис на колеснице, которую везут его священные животные пантера, бык и грифон (Boardman, 1997, № 379). Эти звери служили также сатирам и менадам, спутникам бога, о чем также знали в Северном Причерноморье. Например, кожаный калаф, венчавший голову жрицы, похороненной в IV в. до н. э. в кургане Большая Близница, украшали золотые рельефные фигурки трех сатиров и шести менад. Одна из них едет на грифоне (№ 304; рис. 53), другая – на пантере.

Дионис верхом на грифоне изображен на многих вазах из некрополя Пантикапея (№ 301) и на двух пеликах из погребений Феодосии и Херсонеса (№ 302, 303). Так определил этого всадника К. Шефолд, крупнейший знаток ваз «керченского стиля», к которым относятся рассматриваемые сосуды [Schefold, 1934, № 404, 409, 410, 454, 457, 539]. Некоторые ученые видят в этом персонаже Аполлона, так как он чаще других богов изображался с грифоном [Кобылина, 1951, с. 146; Онайко, 1977, с. 43]. Есть предположение, что это синкретическое божество, объединившее черты обоих богов [Шталь, 1994, с. 114]. Все современные исследователи признают названные вазы предназначенными специально для помещения в могилы так же, как и сосуды со сценами сражений грифонов с аримаспами и амазонками.

У греков издавна существовала традиция делать сосуды специально для похоронных ритуалов. Широко известны так называемые белые лекифы, производившиеся в V в. до н. э. в афинских керамических мастерских; картины на них иллюстрируют мифы о смерти и обряды на могилах [Petraikos, 1998, p. 171, fig. 149-150]. В античных государствах Северного Причерноморья также существовала подобная традиция. Например, в ольвийском погребении эллинистического времени находилась расписанная местным художником амфора со сценой прощания матери с дочерью и переправой души на лодке Харона [Зайцева, 1976, с. 98-99]. Наиболее выразительно этот обычай прослеживается на Боспоре. Сюда в IV в. до н. э. по специальному заказу доставляли из Афин множество ваз с особой росписью для использования во время тризны и для помещения в могилы. Во время поминок еду подавали на рыбных блюдах

со сценой похищения Европы, а затем их разбивали и оставляли в насыпи кургана [Скржинская, 2005, с. 364-375]. А в могилы ставили преимущественно пелики, двуручные вазы с сильно расширяющимся книзу туловом. В росписях таких ваз нередко встречаются грифоны. Они сражаются с амазонками (№ 316-326; рис. 54) и с аримаспами (№ 338-348; рис. 55) или везут на себе грозного всадника, преследующего женщину. Такие сюжеты с участием грифонов, по наблюдениям археологов, украшали вазы в мужских погребениях [Шталь, 1989, с. 146; Schefold, 1934, S 147-148].

Тимпан у женщины, убегающей от всадника на грифоне, плющ и другие символы Диониса часто присутствуют на рассматриваемых вазах [Фомина, 1996]. Поэтому во всаднике на грифоне естественно видеть именно этого бога; здесь он выступает в своей хтонической ипостаси. Ей посвящался заключительный день дионисийского праздника Антестерий [Латышев, 1997, с. 137]. Тогда закрывали все храмы, вспоминали умерших, и дома для них варили ритуальное кушанье из всевозможных злаков. Известен миф о смерти и возрождении Диониса: в орфических гимнах пели о том, как титаны растерзали бога, а затем он воскрес (Diod. Sic. V, 75, 4). Греки верили, что, подобно возродившемуся Дионису, умерший человек начнет свое новое существование в загробном мире. Этим объясняется, почему изображения и символы Диониса находят в некрополях Северного Причерноморья. В ольвийских могилах обнаружено много свинцовых букраниев, изображающих череп быка или барана, украшенный листьями плюща и гроздьями винограда, а в погребениях Херсонеса и Боспора постоянно встречаются глиняные копии театральных масок, использовавшихся на дионисийских праздниках [Русяева, 2005, с. 392]. Эти маски в погребальном обряде знаменовали переход покойного в новое состояние.

Один лекиф из Пантикалея украшает иллюстрация сказания о грифонах, охраняющих золото, которое символизируют три золотых шарика у ног животного. В фигуре его противника, я полагаю, надо признать амазонку, а не аримаспа, как сказано в публикации сосуда (№ 320). У этой фигуры лицо и руки выделены белой краской, что делалось только у женщин. Таким образом, можно заключить, что в греческих сказаниях амазонки наряду с аримаспами пытались отнять золото у грифонов. В древней литературе этот сюжет не уцелел. Видимо, он возник в конце классической эпохи, потому что тогда появляются его иллюстрации на аттических вазах. Один из лучших образцов сохранился на кратере из Лувра [Boardman, 1997, № 414], там представлены грифоны, нападающие на пеших амазонок и на амазонку на боевой колеснице (рис. 56). Сцены сражений амазонок с грифонами встречаются на пеликах из Тиры и Херсонеса (№ 317, 321, 323), но они получили особую популярность на Боспоре: здесь найдены не только вазы (№ 316, 319, 320, 322), но и ювелирные изделия с таким сюжетом (№ 325, 326).

Часто трудно решить, изображена ли на вазе битва грифонов с конными и пешими аримаспами или с амазонками, так как мастера краснофигурной вазопищи в отличие от своих предшественников, рисовавших в чернофигурном

стиле, редко пользовались белой краской для выделения открытых частей тела женщин, а выпуклость груди у амазонок вазописцы не рисовали. Например, одна пелика из Пантикапея украшена рисунком с редкой композицией: два грифона сражаются с возницей, управляющим боевой колесницей. К. Шефолд называет его аримаспом, а М.М. Кобылина амазонкой (№ 324). Мне кажется предпочтительным последнее толкование, ведь на вазах IV в. до н. э. в битвах с грифонами амазонки иногда выступают на боевых колесницах (рис. 56), а убедительных параллелей для подобного изображения аримаспов найти не удастся.

С уверенностью можно считать амазонками фигуры с открытыми частями тела, окрашенными белым цветом. Аримаспы безусловно определяются, когда у них на голове нет шапки и видна короткая мужская прическа (рис. 55), как на пеликах из Нимфея и Пантикапея (№ 338, 342). В прочих случаях, возможно, амазонку от аримаспа отличали выбивающиеся из-под шапки пряди волос [Кобылина, 1951, с. 142, 143, рис. 4, 10].

Рассказы о сражениях с грифонами пользовались столь большой популярностью на Боспоре, что их иллюстрации заказывали не только вазописцам. Золотой калаф жрицы, погребенной в конце IV в. до н. э. в кургане Большая Близница, украшен подобным сюжетом (№ 325). На рельефе этого головного убора противники грифонов определяются в научной литературе то как аримаспы, то как амазонки. На мой взгляд, это несомненно амазонки, так как одна фигура изображена в фас и имеет оба глаза (рис. 57), а отличительной чертой аримаспов было наличие одного глаза. На рельефном украшении бронзового таза, найденного в одном погребении на Тамани, изображен грифон, терзающий поверженную амазонку (№ 62). У нее длинные волосы, а хитон не закрывает женскую грудь, поэтому нет сомнений, что это не аримасп. В обеих композициях заметно, что преимущество на стороне грифонов.

Отсутствие в уцелевших письменных источниках сюжета о борьбе амазонок с грифонами до сих пор продолжает оказывать влияние на интерпретацию смысла некоторых произведений искусства. Например, на мраморном трофее с острова Родос представлена хорошо известная по вазописи группа: амазонка в греческом хитоне между двумя грифонами; однако в описании памятника сказано, что это аримасп [Ridgway, 2002, p. 80], хотя лицо изображено в фас и имеет два глаза.

В мифах об аримасах говорилось не только об их сражениях с грифонами, но и о том, что чудовище можно приручить, если поймать его детенышем (Ael. De nat. Anim. IV, 27). Вероятно, это предание было знакомо художнику, расписавшему пелику из Пантикапея с изображением аримаспа верхом на грифоне (№ 347).

В некрополях Боспора, Ольвии и Херсонеса нередко встречаются пелики и леканы, украшенные головами коня или грифона рядом с женской головой (рис. 58) в греческом чепце, либо в скифской шапке (№ 327-337). Скорее всего, это амазонки [Schefold, S. 147-148], так как тип изображения

голов сходен с рисунками амазонок на других вазах, а кони и грифоны присутствуют в сценах амазономахнии. Обычно же рядом с амазонкой одна голова коня, либо грифона (№ 327, 329-331), есть росписи, где показаны сразу амазонки, грифоны и кони (№ 332-331), или композицию из трех голов представляет амазонка в центре между грифонами (№ 337), а на крышках лекан рядом с головой амазонки бывает помещен лежащий грифон (№ 328).

Грифоны в греческом искусстве нередко стоят или сидят в ряду реальных зверей (№ 296-298) и птиц (№ 295); вместе со встречающимися в природе хищниками эти чудовища нападают на травоядных животных (№ 306-315). Это косвенно указывает на веру эллинов в реальное существование грифонов.

Сцены терзания с участием грифонов встречаются на расписных вазах и ювелирных украшениях, на металлических сосудах и в декоре парадного оружия, а также на украшениях саркофагов (рис. 59). Жертвами грифонов бывают быки (№ 314, 315), кони (№ 307, 308, 311, 313), лани (№ 306, 309). Видимо, в этом был заложен символический смысл, хорошо понятный тем, кто приобретал вещи с такими композициями. Ведь в сознании большинства эллинов, как и многих древних народов, в частности скифов, жизнь и смерть не противопоставлялись друг другу, а находились в единстве и рассматривались как необходимые элементы бытия. Смерть в роли условия постоянного обновления и омоложения включалась в жизнь и определяла ее вечное движение [Бахтин, 1990, с. 59]. Таким образом, мотив терзания хищниками разных животных обладал метафорическим обозначением смерти и возрождения. Объясняя смысл подобных сцен в изобразительном искусстве, Д.М. Раевский писал: «Терзаемое существо как бы погибает заживо, до последнего мгновения оставаясь живой плотью, а поедающий его зверь – это живая могила. Именно такой вид смерти, когда умирающее существо в то же время как бы и не умирает, а остается жить в проглотившем его животном, наиболее соответствует идее смерти во имя сохранения жизни» [Раевский, 1985, с. 226, прим. 29].

Итак, образ грозного грифона, обитающего на границе с потусторонним миром, вошел в круг греческих представлений о смерти. Именно поэтому в погребения помещали вазы с изображением сражений аримаспов и амазонок с грифонами, а саркофаги украшали фигурами грифонов (рис. 51, 54, 55).

Кроме того, греки видели в грифоне бдительного стража. Эта его функция отразилась на памятниках, связанных не только со смертью, но и с ежедневной жизнью. Сидящий грифон на стенке мраморного саркофага из Херсонеса (№ 294) сторожит покой усопшего (рис. 51), а фигура идущего грифона (рис. 50) на известняковой плите, вставленной в стену Пантикапея, охраняла город (№ 288). Ювелирные изделия с фигурами грифонов играли роль оберега своих владельцев. Таковы головы грифонов на золотых серьгах из Нимфея и Херсонеса (№ 278, 289), золотые бляшки для украшения одежды из боспорской мастерской (№ 284), печати на перстнях из Пантикапея (№ 279, 280; рис. 60).

Лекиф афинского мастера Ксенофанта, найденный на Боспоре (№ 267),

дает нам возможность узнать об одном неизвестном теперь мифологическом сюжете с участием грифонов [Скржинская, 1999, с. 128-129]. Ваза украшена фигурами двенадцати охотников, поражающих орлиноголового и львиноголового грифонов, а также двух кабанов и лань (рис. 61). Около семи персонажей написаны их имена: пять персидских и два греческих. Это указывает, что перед нами иллюстрация литературного произведения, а не устного предания, так как в фольклоре собственными именами наделяются обычно лишь два-три главных героя. Из описания охоты Ксенофант выбрал пять эпизодов, среди них Артамис убивает орлиноголового грифона, а Сейсам львиноголового. Присутствие фантастических животных явно указывает на мифологический сюжет, а не на изображение реальной охоты, как полагали некоторые исследователи [Блаватский, 1953, с. 268].

В исследовании, посвященном этому замечательному лекифу, Ю.А. Виноградов утверждает, что в декоре вазы отразилось представление эллинов о загробной жизни; все детали многообразных верований скомпонованы самим древним художником, а основные моменты композиции были воплощением желаний боспорянина, который заказал мастеру этот дорогой сосуд [Виноградов, 2007, с. 41-42]. Мне кажется, трудно представить, как заказчик и исполнитель собрали для своего замысла в одной композиции героев из разных времен, причем преимущественно персов: Абраком, сатрап Сирии, стал почему-то центральной фигурой, хотя естественнее в таком случае были бы цари Дарий или Кир, оказавшиеся на втором плане; Артамиса и Сейсама вспомнили из трагедий Эсхила, а греческих героев взяли из второстепенных лиц в сказаниях об аргонавтах.

Гораздо вероятнее поставить декор лекифа Ксенофанта в ряд иллюстраций мифов, известных в устном изложении или литературной обработке, где все эти герои объединялись в одном сюжете. На вазах V-IV вв. до н.э. часто использовали готовые композиции из крупных картин, приспособляя их к возможности отобразить на сосуде [Горбунова, Передольская, 1961, с. 104; Виппер, 1972, с. 142, 143, 147]. Скорее всего, Ксенофант, возможно по желанию своего заказчика, воспроизвел на лекифе понравившуюся ему картину; ведь в IV в. до н. э. многие боспоряне ездили в Афины. Конечно, художник и покупатель знали содержание литературного произведения об охоте персидских и греческих героев на грифонов и других зверей.

Важно отметить, что грифон в Херсонесе и на Боспоре чаще прочих фантастических существ появлялся на местных произведениях искусства. К древнейшим памятникам такого рода относятся монеты. Старшие из них чеканилась в Синдской гавани в конце V в. до н. э., на них представлен орлиноголовый грифон с серповидными крыльями, сидящий перед хлебным колосом (№ 281). В IV в. до н. э. выпускались знаменитые золотые статеры Пантикапея с головой сатира на аверсе и львиноголовым грифоном на реверсе (№ 271; рис. 48). Перья его крыльев имеют серповидное завершение, однако орлиноголовый грифон на других пантикапейских монетах того же века снабжен острыми крыльями,

сходными с теми, которые мы видим на росписях ваз и ювелирных изделиях этого времени. Монеты Херсонеса несут изображения только орлино-головых грифонов (№ 291); их чеканили в последней трети IV-II вв. до н.э.

Из местных произведений с изображениями грифонов назовем еще известняковые плиты из Пантикапея (№ 288, 291) и капитель из Херсонеса (№ 272), золотые бляшки, сделанные в боспорской мастерской (№ 268, 284), мозаичный пол богатого ольвийского дома (№ 298), роспись пантикапейского склепа (№ 305).

Грифон издавна входил в круг персонажей скифского фольклора [Михайлин, 2003, с. 98-100, 123, 153], о чем свидетельствуют его изображения в скифском «зверином стиле» [Степи европейской части СССР, 1989, табл. 37]. Созданный в греческом искусстве классического времени образ орлиноголового грифона с большими птичьими крыльями существенно повлиял на изменение зрительного представления об этом чудовище у варваров. Греческие мастера иллюстрировали скифские сказания, но облик их персонажей передавали в своей манере. В IV-III вв. до н. э., когда импорт произведений прикладного греческого искусства в Скифию был наиболее интенсивным, население Восточной Европы представляло грифонов, если так можно сказать, глазами эллинов. Примером этого служат сцены терзания грифонами разных зверей на золотой пекторали из Толстой могилы, на знаменитой серебряной вазе (рис. 62) и обкладках меча из кургана Чертомлык, на браслете из кургана Куль-Оба и др.

Анализ памятников изобразительного искусства в сочетании с немногочисленными античными письменными источниками приводит к следующим выводам о роли грифонов в представлении греков, живших в Северном Причерноморье.

В греческом фольклоре и литературе грифон занимал более скромное место, чем в изобразительном искусстве. Мифы о грифонах колонисты принесли в Северное Причерноморье из Милета, своей метрополии. В ряде преданий грифоны выступали спутниками богов Диониса, Артемиды, Афродиты, но чаще всего Аполлона. На Боспоре в классический период грифон стал одним из главных атрибутов Аполлона, верховного бога местного пантеона.

Грифон в мифологии эллинов описывался как бдительный страж, поэтому его изображения на ювелирных украшениях служили оберегами их владельцев, а в монументальном искусстве он мог выступать как хранитель города.

В рассказах о грифонах ареал их обитания находился на рубеже с потусторонним миром, где они сражались с мифическими амазонками и аримаспами. Вазы с иллюстрациями этих сказаний помещали в могилы; ведь, по верованиям эллинов, душа умершего должна была перейти в тот мир, на границе с которым жили грифоны. Эти предания пользовались наибольшей популярностью на Боспоре.

Греческие колонисты с первых лет жизни на новой родине и до конца античности знали мифы о грифонах. Однако, их количество, роль и значение были не одинаковыми в каждом государстве. Все стороны разнообразной семантики образа можно проследить на Боспоре и в Херсонесе, но у херсонеситов грифон занимал более скромное положение, чем у боспорян. В ми-

фологии ольвиополитов грифон не играл заметной роли, и его не выделяли здесь как атрибут Аполлона. О Тире трудно сказать что-либо определенное из-за отсутствия достаточного количества археологических материалов.

Созданный в искусстве эллинов образ орлиноголового грифона в IV-III вв. до н. э. существенно повлиял на зрительные представления скифов об этом чудовище.

Крылатые кони и другие фантастические звери

В середине и второй половине VI до н. э. клазоменские вазописцы часто рисовали на вазах взлетающего крылатого коня [Копейкина, 1979, с. 17, 18]. Амфоры с такой росписью охотно покупали в Ольвии, Борисфене и Пантикапее (№ 349-351). Может быть, на этих вазах нарисовано рождение Пегаса, но вполне вероятно, что крылатые кони в архаический период были персонажами теперь не известных мифов, и клазоменские художники имели в виду какой-то неизвестный сейчас сюжет.

Начиная с V в. до н. э., изображение крылатого коня уверенно отождествляется с Пегасом. Наиболее известное предание с его участием относится к циклу сказаний о Беллерофонте. Греки называли Пегаса сыном Посейдона и Медузы и считали, что боги Посейдон или Афина подарили эту сказочную лошадь Беллерофонту (Scol. Hom. II. VI, 155; Paus. II, 4, 1). В других версиях мифа герой сам ловил и укрощал Пегаса (Pind. Ol. XIII, 60; Strab. VII, C. 379). Он совершил несколько подвигов, выполняя труднейшие задания Иобата, царя Ликии. По его велению, Беллерофонт вступил в бой с Химерой. Ее тело состояло из соединения голов и туловищ льва, козы и змеи. Трехглавая огнедышащая Химера обитала в горах Ликии и наводила ужас на людей, опустошая окрестности. К ней невозможно было подойти, так как одна из ее голов изрыгала пламя. Беллерофонт смог одержать победу с помощью крылатого коня Пегаса, который вознес своего седока высоко над землей, и оттуда, стреляя из лука, герой убил чудовище. (Hes. Theog. 319-325; Apollod. Bibl. II, 3, 2).

О Пегасе существовали и другие мифы. На горе Геликон в Беотии он ударом копыта выбил источник Гиппокрену, дарующий вдохновение поэтам (Paus. I, 31, 9; IX, 31, 3), а на Олимпе этот чудесный конь доставлял Зевсу громы и молнии (Hes. Theog. 284-286).

Привозные кизикинские статеры второй половины V в. до н. э. (№ 357) и более поздние местные монеты Пантикапея и Херсонеса (№ 361, 364, 366) определенно свидетельствуют о знании мифов о Пегасе в Северном Причерноморье. В богатой семье на азиатской стороне Боспора приобрели дорогой серебряный килик с иллюстрацией мифа о Беллерофонте. На дне сосуда выгравирована фигура сидящего на Пегасе героя в момент его борьбы с Химерой (№ 355). Крылатый конь, изображенный на вазах (рис. 63) и ювелирных изделиях, мог отождествляться не только с Пегасом, но также символизировать необыкновенную быстроту или быть каким-то архаическим демоническим

«Федр» (229 е) причислил химер, пегасов и гиппокентавров к прочим нелепым чудовищам, «существование которых вряд ли можно объяснить». В I в. до н. э. Диодор Сицилийский посвятил изложению мифов большой раздел «Исторической библиотеки». По его словам, многие древние сказания вызывали недоверие, например, современники писателя не верили в возможность появления даже в далеком прошлом таких созданий, как кентавры (Diod. Sic. IV, 8, 4).

Изобразительное искусство в настоящее время оказалось главным источником наших знаний о месте фантастических существ в культуре, религии и устных рассказах греков, живших в Северном Причерноморье. Археологические материалы дают возможность лучше всего осветить эту тему в отношении Боспора, достаточно много узнать об Ольвии и Херсонесе и совсем мало о Тире.

В иллюстрациях того или иного мифа художники выбирали один особо важный момент, полагая, что зритель знает все прочие подробности. В ряде случаев иллюстрация могла вызывать ассоциации с разными мифами. Например, Геракл неоднократно сражался с кентаврами, так что изображение героя рядом с кентавром соответствовало разным мифологическим сюжетам.

В религии Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспора некоторые фантастические существа играли определенную роль. В VI-III вв. до н. э. маски Горгон украшали храмы в Ольвии, Нимфее и Феодосии. Всюду во время дионисийских празднеств появлялись ряженые в костюмах сатиров и вакханок, а на боспорских праздниках Аполлона вспоминали грифона, священное животное этого бога. Ольвиополиты использовали в качестве вотивов свинцовые пластинки с изображением сирен и кентавров.

Присутствие разнообразных фантастических существ на росписях многих сосудов, составлявших часть парадного сервиза в домах греков, указывает на то, что в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре рассказы о них звучали во время застолий. Их изображения на посуде и на ювелирных изделиях играли роль распространенного в VI-III вв. до н. э. декора и служили также апотропеями. Они выступали в роли персонажей гомеопатической магии. Согласно древней пословице *similia similibus curantur* (подобное излечивается подобным), считалось, что вид страшных чудовищ отвращал от владельца подобного изображения действия злых сил.

Почти все фантастические существа включались в рассказы о потустороннем мире. Их изображения сопровождали покойного в последний путь, о чем свидетельствуют помещенные в могилы расписные вазы, ювелирные изделия, а также украшения саркофагов и надгробий.

Археологические находки дают представление о большой серии общегреческих мифов, которые знали в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре. К ним относятся предания о сатирах и силенах, веселых спутниках Диониса, о музыкальном состязании Аполлона и силена Марсия, о сражениях грифонов с аримаспами и амазонками, а также цикл мифов об участии кентавра Хирона в судьбе Пелея и Фетиды и их сына Ахилла, рассказы о сладкоголосых

сиренах, об ужасных горгонах, о битвах Геракла с кентаврами, о населяющих морские глубины тритонах и гиппокампах и некоторые другие.

Человеческие черты миксантропических существ отражались не только в их облике, но и в действиях, на которые способны лишь люди. Так сатиры, силены и Пан виртуозно играли на музыкальных инструментах и умели танцевать, а сирены кроме этих способностей еще обладали даром изумительного пения; кентавр Хирон славился как воспитатель греческих героев и искусный лекарь.

Особый интерес вызывают иллюстрации мифов, не известных по целевским письменным источникам. К ним относятся особо популярные на Боспоре предания о сражении амазонок с грифонами, о прорастающей Деве, о морских драконах. Следует отметить, что все эти персонажи встречаются на привозных изделиях, так что они были известны и за пределами Северного Причерноморья. Вообще не удается выделить какие-либо мифы или особые представления о фантастических существах, характерные только для местных жителей. Возможно, только сказание о путешествии Европы на остров Крит было своеобразно истолковано боспорянами как переход души в иной мир и проводниками туда были избраны Тритон и nereиды; однако сюжет и участники местного варианта мифа не отличались от известных литературных изложений, появившихся в других греческих городах.

Есть немало изображений фантастических существ, роль которых не ясна. С этим сталкиваются не только современные исследователи. Павсаний, описывая различные произведения искусства, неоднократно отмечал несоответствия известных мифов с их иллюстрациями, например, картины Полигнота на темы Троянской войны отличались от описания соответствующих эпизодов в широко известных поэмах «Киприи» и «Малая Илиада» (Paus. X, 25, 26).

Предметы массового местного производства показывают, насколько широко в повседневной жизни распространялись представления о фантастических существах. На монетах Боспора и Херсонеса чеканили фигуру грифона, пантикапейские монеты долгое время украшала голова сатира, а ольвийские – маска горгоны. Формы и штампы свидетельствуют о том, что в Херсонесе отливали терракотовые маски спутников Диониса, в Фанагории украшали сосуды рельефом сирены, а в Ольвии производили бляшки с головой горгоны. Во многих городах Боспора пользовались мебелью, украшенной изготовленными местными мастерами костяными вставками в виде головы силены и приносили в дар богам терракотовые статуэтки фантастических существ, сделанные из местной глины.

В Северном Причерноморье представления о фантастических существах развивались в русле присущей всем грекам традиции. Однако, как и в других государствах, мифы об этих созданиях пользовались разной степенью популярности в каждом городе и его округе. Например, грифоны играли важную роль в мифологии боспорян и занимали заметное место в Херсонесе, а в Ольвии и Тире ими интересовались заметно меньше. Зато в архаический период в Ольвии горгонам и сфинксам уделялось гораздо больше внимания, чем в прочих полисах этого региона.

Каталог³

Спутники Диониса

Силены

1. Воины, ведущие связанного Силена к царю Мидасу. Чернофигурная пелика. Вторая половина VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1911, с. 26, рис. 42; ИАРК, с. 262.
2. Силен рядом с Дионисом, стоящим около Аполлона. Чернофигурный лекиф. Последняя треть VI в. до н. э. Ольвия. ИАК, 1906, с. 156, рис. 104; АНО, с. 38, № 9.
3. Бегущий Силен с большим мехом вина на спине. Чернофигурная ольпа. Конец VI в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 64, № 79.
4. Силен, преследующий нимфу. Чернофигурный скифос. Конец VI в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 96, № 123.
5. Пирующий Силен. Ионийский кратер. VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1964, с. 14, рис. 10.
6. Силен, несущий нимфу. Инталия на агате. VI в. до н. э. Пантикапей. АГСП, 1984, табл. 159, 2.
7. Силен на муле. Чернофигурный килик. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 39, № 10.
8. Силен, Дионис и вакханка. Чернофигурная ольпа. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 38, № 8.
9. Полулежащий на подушке Силен между двух танцующих вакханок. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 52, № 50.
10. Силен и Дионис. Чернофигурный килик. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 66, № 82.
11. Бегущий Силен. Медальон чернофигурного килика. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 95, № 140.
12. Силен, пьющий вино из амфоры. Кизикинский статер. Вторая половина V в. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 35; Абрамзон и др., 2006, № 48.
13. Сидящий Силен. Кизикинский статер. Вторая половина V в. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 38; Абрамзон и др., 2006, № 46.
14. Силен, наливающий в канфар вино из амфоры. Кизикинский статер. Вторая половина V в. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 39; Абрамзон и др., 2006, № 47.
15. Силен с маленьким Дионисом на руках, сатиры и Пан, преследующие нимф. Крышка краснофигурной леканы. 360 г. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861, с. 28, табл. 2; UKV, № 18.
16. Танцующий Силен, играющий на аулосе. Бронзовый перстень. Первая половина IV в. до н. э. Горгиппия. Трейстер, 1982, с. 67, рис. 10.
17. Силен Марсий в сцене состязания с Аполлоном. Краснофигурная пелика. Пантикапей. 340-330 гг. до н. э. ДБК, табл. 57; UKV, № 370; Музы и маски, 2005, № 32.
18. Силен Марсий в сцене состязания с Аполлоном. Краснофигурный кратер. IV в. до н. э. Херсонес. ОАК 1904, с. 68, рис. 104; LIMC, Bd. 6, S. 372. № 34.
19. Актер в костюме Силена. Мраморный рельеф. IV в. до н. э. Пантикапей. Гайдукевич, 1949, с. 162, рис. 27.

³ В каталоге указано место находки предмета, даны ссылки на его издание и датировка по этому изданию; это представительная, но, конечно, не полная подборка изображений фантастических существ на предметах искусства из античных государств Северного Причерноморья.

20. Силен. Терракотовая маска. Конец IV-III в. до н. э. Пантикапей. Музы и маски, 2005, № 97.
21. Силен. Терракотовая маска. III в. до н. э. Херсонес. Белов, 1948, с. 83, табл. 11.
22. Силен. Формы для отливки терракот. III в. до н. э. Ольвия, Херсонес. Леви, 1970, с. 46, табл. 22; АП, № 74.
23. Силен. Рельеф на костяных пластинках местного производства. Эллинистический период. Пантикапей, Мирмекий, Нимфей, Фанагория, Кепы. Сокольский, 1971, табл. 4; Финогенова, 1984, с. 175.
24. Силен с маленьким Дионисом на руках. Терракотовая статуэтка. Хора Ольвии. Щеглов, 1970, с. 56.
25. Силен верхом на козле. Терракота II-I вв. до н. э. Мыс Зюк (Боспор). Масленников 2006, с. 29, рис. 8.
26. Лысый Силен. Терракотовая маска. I в. н. э. Мирмекий. Денисова 1981, с. 66, табл. 21 ж.
27. Маски Силен, Диониса, Сатира и вакханки. Мраморный рельеф на стенке саркофага. II в. н. э. Херсонес. АП, № 179; АСХ, № 459, рис. 182, 183.
28. Маска Силен. Фрагмент мраморного рельефа. II в. н. э. Херсонес. АСХ, № 18, рис. 16.
29. Маска Силен. Украшение мраморной архитектурной детали римского времени. Мирмекий. АП, № 130.

Сатиры

30. Танцующие сатиры и нимфы. Хиосский динос. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина, 1986, с. 33.
31. Сатир и козел. Клазоменская амфора. Середина VI в. до н. э. Ольвия. Леви, 1972, с. 48, рис. 14, 3.
32. Танцующие сатиры. Клазоменская амфора. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1968, с. 115, рис. 6.
33. Два сатира. Хиосский канфар. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова, 1968, с. 155, рис. 106.
34. Три сатира и нимфа на плече у сатира. Чернофигурный лекиф. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1972, с. 52, рис. 15.
35. Два танцующих сатира перед сидящим Дионисом. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997, с. 28, рис. 4.
36. Сатир и козел. Чернофигурный лекиф. VI в. до н. э. Ольвия. Скуднова, 1958, с. 128, рис. 6.
37. Сатир, нимфа и Дионис. Чернофигурная амфора. Рубеж VI-V вв. до н. э. Ольвия. ОАМ, № 50.
38. Сатиры и Дионис. Два чернофигурных килика. Рубеж VI-V вв. до н. э. Ольвия. АНО, с. 64, № 82; с. 95, № 140.
39. Сатир с лирой и две нимфы с кроталами. Чернофигурный скифос. 500 г. до н. э. Березань. ББ, № 149.
40. Сатир с кифарой и убегающая вакханка. Чернофигурный скифос. 480 г. до н. э. Нимфей. Горбунова, 1983, № 154.
41. Сатир, преследующий вакханку. Краснофигурная ойнохоя. 470 г. Пантикапей. Передольская 1967, с. 138.
42. Сатир. Терракотовая статуэтка. Середина V в. до н. э. Пантикапей. Силантьева, 1972, с. 45, рис. 9.

43. Сатир и защищающаяся тирсом вакханка. Краснофигурный килик. 460 г. до н. э. Пантикапей. Передольская, 1967, с. 131, № 148.
44. Сатир с тирсом. Краснофигурный кратер. 440-430 гг. до н. э. Херсонес. Зедгенидзе, 1978, с. 69, рис. 1.
45. Сатир, наливающий вино в ритон. Краснофигурный аск. 430 г. до н. э. Нимфей. Vickers, 2002, p. 28, pl. 8.
46. Сатир, играющий на аулосе, и вакханка с тирсом и факелом в дионисийском шествии. Краснофигурный кратер. Вторая половина V в. до н. э. Никоний. Секерская, 1989, с. 99-100, рис. 64.
47. Сатир с барбитоном в дионисийском шествии. Краснофигурный кратер. Конец V в. до н. э. Синдская гавань. Шедевры, 1987, с. 108, рис. 9.
48. Сатиры, играющие на аулосе и барбитоне в сцене встречи Аполлона с Дионисом. Конец V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861, табл. 2-4.
49. Актеры с масками сатиров и Паппосилена. Краснофигурная ойнохоя. Рубеж V-IV вв. до н. э. Фанагория. Музы и маски, 2005, № 29.
50. Сатир, вакханка и Дионис. Краснофигурный кратер. Рубеж V-IV вв. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1962, с. 175, рис. 4, 2.
51. Сатир, две вакханки и Дионис. Краснофигурный кратер. Рубеж V-IV вв. до н. э. Херсонес. ОАК 1904, с. 38, рис. 55; Белов, 1948, табл. 4.
52. Танцующие сатир, Пан и вакханка. Краснофигурная пелика. 370-360 гг. до н. э. Пантикапей. Музы и маски, 2005, № 31.
53. Сатир, преследующий вакханку. Краснофигурная пелика. 370-360 гг. до н. э. Феодосия. Вдовиченко, 2003, с. 90, № 52.
54. Сатир, Дионис и вакханка. Апулийский кратер. Вторая четверть IV в. до н. э. Боспор. Вдовиченко, 2003, с. 87, № 45.
55. Сцена из сатирической драмы. Краснофигурная ойнохоя IV в. до н. э. Пантикапей. Передольская, 1967, с. 63.
56. Сатир с аулосом, сопровождающий танцующей вакханке. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. Ашик, 1849, с. 23; ДБК, табл. 63.
57. Головы сатиров. Золотое ожерелье. IV в. до н. э. Курган Большая Близница. Артамонов, 1966, № 306.
58. Сатир. Монеты Пантикапея и Фанагории. IV – III вв. до н. э. Зограф, 1951, с. 173; БЦ, табл. 1, 2; Анохин, 1986, табл. 3.
59. Молодой сатир. Терракотовая маска. Херсонес. III в. до н. э. Белов, 1948, табл. 11.
60. Сатир. Терракотовая маска. I в. до н. э. – I в. н. э. Пантикапей. Музы и маски, 2005, № 98.
61. Молодой и старый сатир. Две терракотовые маски эллинистического времени. Ольвия. Русяева, 1979, с. 85.
62. Молодой сатир. Терракотовые маски местного производства. I-II вв. н. э. Пантикапей. На краю ойкумены, 2002, № 223-226.

Пан

63. Пан. Костяная статуэтка. Вторая половина V в. до н. э. Никоний. Секерская, 1989, с. 109, рис. 65, 5.
64. Пан, играющий на сиринге. Украшение серебряного браслета. IV в. до н. э. Ольвия. Alexander, 1928, p. 39. tab. 84.

65. Пан, играющий на аулосе и две вакханки. Полихромная пелика III в. до н. э. Пантикапей. АГСП, 1955, с. 382, рис. 20.
66. Пан рядом с Дионисом. Рельеф на терракотовом алтарике. III в. до н. э. Ольвия. Леви, 1970, табл. 21.
67. Пан. Терракотовая маска. III в. до н. э. Херсонес. Белов, 1948, табл. 11.
68. Пан. Терракотовая маска. I в. до н.э. – I в. н. э. Пантикапей. Музы и маски, 2005, № 99.
69. Пан. Терракотовая маска. I в. н. э. Мирмекий. Денисова, 1981, табл. 21 е.
70. Пан. Надгробная известняковая плита. I в. н. э. Фанагория. Кобылина, 1973, с. 176-177.
71. Пан и силен. Рельефное украшение храма Диониса. Первые века н. э. Горгиппия. Алексеева, 1997, с. 100-103, 237.
72. Пан и силен. Рельеф из некрополя Нимфея. II в. н. э. АГСП, 1955, с. 315, рис. 31.

Вакханки

73. Вакханка с кроталами и бородатый Силен перед сидящим Дионисом. Чернофигурный лекиф. Рубеж VI – V вв. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997, с. 28, рис. 3.
74. Две танцующие вакханки на фоне виноградных лоз. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 37, № 6.
75. Танцующая вакханка перед сидящим Дионисом. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С.124. № 192.
76. Танцующие вакханки с кроталами перед Дионисом. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997, с. 28, рис. 9.
77. Танцующие вакханки с кроталами перед Дионисом. Краснофигурный кратер. 480-475 гг. до н. э. ОАК. 1903. С. 120. Рис. 51; Передольская, 1967, с. 57. № 58, табл. 38.
78. Вакханки на празднике Леней. Краснофигурный стамнос. Середина V в. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1984, с.125-132.
79. Вакханка с пантерой. Обломок краснофигурного сосуда. Первая половина IV в. до н. э. Ольвия. Брашинский, 1965, с. 98, рис. 35, 7.
80. Вакханка на колеснице, запряженной двумя пантерами. Обломок краснофигурного сосуда. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1959, с. 74, табл. 3.
81. Вакханки с тирсом, ланью и пантерой. Пара золотых серег. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. Музы и маски, № 141.
82. Вакханки, едущие на пантере и на грифоне. Золотые бляшки в декоре диадемы. IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Артамонов, 1966, № 286, 288.
83. Вакханка с тирсом и бегущий сатир. Золотая бляшка в декоре диадемы. IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Артамонов, 1966, № 290.
84. Танцующая вакханка и сатир с тимпаном. Золотые бляшки. IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Артамонов, 1966, № 310, 311.
85. Вакханка с ножом и ягненком в руках. Золотая бляшка. IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Артамонов 1966. № 289.
86. Вакханка. Терракотовая маска. III в до н. э. Херсонес. Белов, 1948, табл. 11.
87. Вакханка в плющевом венке с тимпаном над головой. Терракотовая статуэтка. II в. до н. э. Пантикапей. Музы и маски, № 116.
88. Вакханка. Мраморный рельеф. II – III вв. н. э. Херсонес. АСХ, № 13.

Кентавры

89. Геракл, преследующий кентавра. Чернофигурный лекиф. 540-530 гг. до н. э. Ольвия. АНО, с. 97, № 144. 2.

90. Кентавр с камнем в руке. Обломок клазоменского сосуда. Вторая половина VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1914-15, с. 85, рис. 134; Книпович, 1955, с. 362, рис. 7.
 91. Кентавр с камнем в руке. Чернофигурный килик. Третья четверть VI в. до н. э. Березань. Горбунова 1976. С. 95. Рис. 1; Она же. 1982. С. 40. Рис. 3.
 92. Скачущий кентавр. Чернофигурный килик. Третья четверть VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1972, с. 52, рис. 15.
 93. Сражение с кентаврами. Краснофигурный килик мастера Эпиктета. 520-510 гг. до н.э. Березань. Ильина 2000, с. 147, рис. 4.
 94. Борьба кентавра с Гераклом. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н. э. Тамань. ИАК, № 56, с. 28; На краю ойкумены, 2002, № 12.
 95. Сражение кентавров и лапифов. Чернофигурная амфора. VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1914-15, с. 85, рис. 134; Книпович, 1955, с. 362, рис. 7.
 96. Пелей, передающий Ахилла на воспитание кентавру Хирону. 500 г. до н.э. Ольвия. АП, № 31; ОАМ, № 51; LIMC, Bd. 1, S. 46, № 59.
 97. Кентавр с камнем и два воина. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 138, № 219. 11.
 98. Кентавр, Геракл и Деянира (?). Чернофигурный лекиф. 500-490 гг. до н.э. Ольвия. АНО, с. 99, № 148.
 99. Кентавр, хватающий женщину. Краснофигурная чаша мастера Мидия. Пантикапей. Последняя четверть V в. до н. э. ОАК 1869, табл. 4.
 100. Кентавр Несс, похищающий Деяниру (?). Обломок краснофигурной вазы. Первая половина. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1869, с. 187, табл. 14.
 101. Геракл, спасающий Деяниру (?) от кентавра Несса. Краснофигурная пелика. 350-340 гг. до н. э. Большая Близица (Тамань). ОАК 1865, с. 107-110, табл. 4; UKV, № 396; ГЗ, с. 184, рис. 57.
 102. Геракл, освобождающий дочь царя Дексамена от свадьбы с кентавром Эвритионом. Краснофигурная пелика. 340 г. до н. э. Пантикапей. ДБК, табл. 53; UKV, № 365; LIMC, Bd. 3, S. 359, № 5.
 103. Кентавр, борющийся с хищным животным. IV в. до н. э. Костяная пластинка. Пантикапей. Финогенова. 1984, с. 174, рис. 3.
 104. Кентавр. Сердоликовая инталия. Конец IV – начало III в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1875, с. 32, табл. 2; Неверов 1975, с. 39, рис. 5.
 105. Кентавр. Мегарская чаша. II в. до н. э. Тира. Самойлова 1984, с. 121, рис. 1.
 106. Кентавр. Свинцовая пластинка эллинистического времени. Ольвия. Зайцева 2004. С. 146. Табл. 11.
 107. Кентаврида. Свинцовая пластинка эллинистического времени. Ольвия. Зайцева 2004, с. 146, табл. 11.
 108. Кентавр. Рельеф на двух краснолаковых светильниках римского времени. Пантикапей, мыс Зюк. ОАК. 1913-15, с. 96, рис. 162; Сокольский 1969, с. 71.
 109. Кентавры. Украшения двух деревянных саркофагов. Конец I – начало II в. н. э. Пантикапей. Сокольский, 1969, табл. 39, 3- 4; 43, 1.
- Ахелой и Минотавр*
110. Борьба Тесея с Минотавром. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1912, рис. 38, 2; Борисковская, 1997, с. 27, рис. 8.
 111. Бык с человеческим лицом (Ахелой?). Кизикийские статеры. 460-400 гг. до н. э. Ольвия, Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 87-89; Абрамзон и др., 2006, с. 23, 24, 28.

112. Сидящий Минотавр. Терракотовая статуэтка. V в. до н. э. Ольвия. Леви, 1970, с. 40, № 17, табл. 12, 4.
113. Мужская голова с рогами (маска Ахелоя). Золотые подвески к ожерелью. 400-380 гг. до н. э. Пантикапей. ГЗ, № 94.

Женские миксантропические существа

Сирены

114. Сирены и львы. Крышка хиосского сосуда. 600-575 гг. до н. э. Березань. Ильина 2005. С. 106. № 149; VI в. до н. э. ББ, № 98.
115. Сирена и пантера. Крышка чернофигурной леканы. 560-550 гг. до н.э. Березань. Горбунова, 1982, с. 40.
116. Сирена и пантера. Чернофигурная амфора. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина, 1982, с. 41.
117. Сирена. Коринфский арибалл. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Корпусова, 1987, с. 56, рис. 21.
118. Сирены и пантеры. Крышка чернофигурной леканы. Вторая четверть VI в. до н. э. Хора Ольвии. Рабичкин, 1951, с. 123, рис. 34.
119. Идущие друг за другом сирены. Клазоменская гидрия. Вторая четверть VI в. до н. э. Тамань. ИАРК, с. 260.
120. Сирена. Ионийский кратер. Первая половина VI в. до н. э. ББ, № 33.
121. Две сирены. Амфора стиля Фикеллура. Вторая половина VI в. до н. э. Березань. Корпусова, 1987, с. 47, рис. 19.
122. Сирена. Чернофигурный килик мастера Тлесона. 540 г. до н. э. Березань. Скуднова, 1957, с. 45.
123. Сирена. Клазоменская гидрия. 540-530 гг. до н. э. Ольвия. Брашинский, 1965, с. 97, рис. 35.
124. Сирена. Два клазоменских сосуда. Третья четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина, 1979, с. 12, 13, рис. 5.
125. Сирена. Чернофигурный килик. Третья четверть VI в. до н. э. Березань. ББ, 2005, № 140.
126. Сирена. Чернофигурный килик. Третья четверть VI в. до н. э. Нимфей. Худяк, 1962, с. 248.
127. Сирена. Два чернофигурных килика и крышка леканы. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова, 1984, с. 88, рис. 11; Она же, 1992, с. 189, рис. 10; с. 213, рис. 8.
128. Сирена. Клазоменская амфора 520 г. до н. э. Ольвия. ОАК 1913-15, с. 29, рис. 25; Копейкина, 1979, с. 12, рис. 6; АНО, с. 163, № 253.
129. Сирены и сфинксы. Курильница из алабастра. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Фармаковский 1914. с. 4, табл. 4, 5; АНО, с. 107, № 12.
130. Сирена. Украшение ручки бронзового ситечка. Первая половина V в. до н. э. Нимфей. АХБ, № 39.
131. Сирена. Украшение ручки бронзовой гидрии. Вторая четверть V в. до н.э. Пантикапей. АХБ, № 34.
132. Сирена с кроталами. Полихромный аттический фигурный лекиф. Конец V в. до н. э. Фанагория. Фармаковский, 1921, с. 20; АП, № 45.
133. Сирена. Навершие известнякового надгробия. Первая половина IV в. до н.э. Пантикапей. Сорокина, 1960, с. 86; На краю ойкумены, 2002, № 359.
134. Сирены, играющие на аулосе, тимпане и кимвалах. Пластинки из слоновой кости,

украшавшие саркофаг в кургане Большая Близница (Тамань). Вторая половина IV в. до н. э. ДБК, табл. 79, 80; ОАК 1866, с. 8, № 28-30.

135. Сирена с лирой. Форма для отливки рельефного украшения керамического сосуда. Фанагория. IV в. до н. э. Кобылина 1967, с. 169.
136. Сирена, играющая на аулосе. Золотая подвеска к серьге. Конец IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК, табл. 7, 16.
137. Сирена, играющая на аулосе. Золотая подвеска к серьге. Конец IV в. до н. э. Курган Зеленская гора (Тамань). ГЗ, № 114.
138. Сирена. Золотая подвеска к серьге. Конец IV в. до н. э. Ольвия. ДБК, табл. 7, 14.
139. Сирена. Серебряное украшение женской обуви. Нимфей. IV в. до н. э. Зинько, 2003, с. 121.
140. Сирена. Бронзовый перстень. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1875, с. 34, табл. 1; АХБ, с. 33, № 93.
141. Сирена, играющая на лире. Украшение золотой диадемы. Начало III в. до н. э. Херсонес. ГЗ, № 131.
142. Сирена. Роспись саркофага. Рубеж IV – III вв. до н. э. Херсонес. Стржелецкий, 1969, с. 80-81.
143. Сирены. Изображения на архитектурных деталях IV – III вв. до н. э. Пантикапей. Сорокина, 1960, с. 95.
144. Две сирены. Боспорская акварельная пелика. IV – III вв. до н. э. Боспор. Сорокина, 1960, с. 95.
145. Сирена с лирой. Свинцовая пластинка местного производства. III в. до н. э. Ольвия. Зайцева, 2004, с. 144, табл. 11.
146. Сирена. Навершие мраморного надгробия эллинистического времени. Херсонес. АСХ, № 86.
147. Сирена. Глиняные пластинки. I – II вв. н. э. Пантикапей, Херсонес. Сорокина, 1960, с. 96.
148. Сирена. Надгробие. I – II вв. н. э. Тамань. Сорокина, 1960, с. 96.
149. Сирена. Гипсовое украшение саркофага. I – II вв. н. э. Пантикапей. ДБК, табл. 76, 8.

Сфинксы

150. Сфинкс. Родосско-ионийская тарелка. 640 г. до н. э. Березань. Копейкина, 1982, с. 26, рис. 20.
151. Сидящие сфинксы. Крышки хиосских сосудов. 600-560 гг. до н. э. Березань. Ильина, 2005, с. 107-111, № 158, 165.
152. Сфинксы и львы. Крышки хиосских сосудов. Начало VI в. до н. э. Березань. Ильина, 2005, с. 110-111, № 168-170, 172, 175.
153. Сфинксы. Фриз родосско-ионийского дипоса. Начало VI в. до н. э. Березань. Скуднова, 1960, с. 164, рис. 13; ББ, № 36.
154. Сфинкс. Четыре хиосских кубка. 580-550 гг. до н. э. Березань. ББ. № 91, 92; Ильина, 2005, № 54, 57, 58, 69.
155. Сфинкс. Хиосский кубок 560 г. до н. э. Кепы. Кузнецов, 1992, с. 35, рис. 4.
156. Сфинксы и львы. Крышка хиосской леканы. Середина VI в. до н. э. Березань. Скуднова, 1957, с. 137, рис. 10.
157. Сфинксы и львы. Крышка хиосской пиксиды. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина, 1986, с. 134, рис. 4.
158. Женщина между двумя сфинксами. Чернофигурная амфора. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Горбунова, 1982, с. 36.

159. Сфинкс и сирена. Клазоменская амфора. Середина VI в. до н. э. Синдская гавань. Алексеева 1997, с. 21, рис. 14.
160. Сфинксы и львы. Крышка чернофигурной леканы. Третья четверть VI в. до н. э. Ольвия. Шауб, 1979, с. 60.
161. Два сфинкса, сидящие друг против друга. Чернофигурный лекиф. Третья четверть VI в. до н. э. Березань. ББ, № 155.
162. Два сфинкса, сидящие друг против друга. Чернофигурный кратер. 540 г. до н. э. Ольвия. Шауб 1979, с. 60, рис. 1.
163. Два сфинкса, обрамляющие фигуры мужчин в плащах и украшающие ручки чернофигурного кратера. 540- 530 гг. до н. э. Ольвия. АНО, с. 172, № 266.
164. Сфинкс между фигурами в плащах. Чернофигурный килик. 540-530 гг. до н. э. Ольвия. АНО, с. 62, № 74.
165. Сфинкс. Клазоменская амфора. Вторая половина VI в. до н. э. Тамань. Энман, 1912, с. 96, табл. 10.
166. Сфинкс. Клазоменская амфора. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Корпусова, 1987. С. 52.
167. Сфинксы, обрамляющие сцену сражения греков с амазонками. Чернофигурный скифос. Последняя четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова, 1992, с. 228, рис. 17.
168. Сфинксы, обрамляющие сцену сражения греков с амазонками. Чернофигурный килик. Последняя четверть VI в. до н. э. Ольвия. Шауб, 1979, с. 64.
169. Сфинксы, обрамляющие сцену сражения греческих воинов. Чернофигурный килик. 530-550 гг. до н. э. Ольвия. Козуб, 1987, с. 64, рис. 23.
170. Сфинкс. Два чернофигурных скифоса. 510-500 гг. до н. э. Пантикапей. CVA Russia 1996, p. 46, pl. 49.
171. Сфинкс. Сердоликовая печать. VI в. до н. э. Ольвия. АГСП, 1984, с. 350, табл. 169, 3.
172. Два сфинкса по бокам фигуры в плаще. Чернофигурная ойнохоя. 500 г. Ольвия. АНО, с. 156, № 237.
173. Сфинкс. Украшение ручки бронзового зеркала. Первая четверть V в. до н. э. Ольвия. Скржинская, 1984, с. 124, № 13; Treister, 2003, Abb. 4.
174. Сфинкс. Золотой перстень. Вторая четверть V в. до н. э. Нимфей. Vicers, 1979, p. 38, tab. 6.
175. Сфинксы и пантеры. Краснофигурный аск. Последняя треть V в. до н. э. Херсонес. Белов, 1976, с. 113, рис. 1.
176. Сфинкс. Полихромный фигурный аттический лекиф. Конец V в. до н. э. Фанагория. Фармаковский, 1921, с. 29-34; АП, № 47; GRA, № 59.
177. Сфинкс. Фрагмент мраморной скульптуры. Конец V в. до н. э. Ольвия. АМ, № 30; ГСА, № 90.
178. Сфинкс с поднятой лапой. Краснофигурный лекиф. 410-400 гг. Нимфей. ДГН, № 62.
179. Сфинкс. Золотые кизикинские статеры. V в. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 2, 3, 36, 72.
180. Сфинкс. Золотые бляшки. Нимфей. Силантьева, 1959, с. 56, рис. 24, 4; с. 71. рис. 38.
181. Сфинкс. Три краснофигурных лекифа. Рубеж V – IV вв. до н. э. Пантикапей. CVA Russia, 2003, p. 49, pl. 45.
182. Сфинкс. Гравированное изображение на пластинке из слоновой кости. Рубеж V – IV вв. до н. э. Горгиппия. Алексеева, 1997, рис. 11.
183. Два сфинкса и два грифона. Краснофигурный аск. Начало IV в. до н. э. Херсонес. Зедгнидзе 1978, с. 74, рис. 4.

184. Сфинкс. Краснофигурный гуттус. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. CVA Russia, 2003, pl. 67.
185. Два сфинкса. Золотой браслет. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. ГЗ, № 83.
186. Сфинксы. Золотые бляшки боспорского производства. Середина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. ДБК, табл. 22; Копейкина, 1986, с. 57.
187. Сидящая сфинкс. Золотые серьги. Вторая половина IV в. до н. э. Нимфей. АМ, № 160: АП, № 26.
188. Сидящая сфинкс. Золотые серьги. Вторая половина IV в. до н. э. Феодосия. ДБК, табл. 12.
189. Сфинкс, задающая загадку молодому человеку. Две краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1908, с. 113, рис. 112; БЦ, с. 85, рис. 6; ПБП, с. 148; UKV, № 481, 501.
190. Сфинкс, хватающая юношу. Краснофигурная пелика. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. АДЖ, табл. 28; GCA, p. 44, № 49; Вдовиченко, 2003, с. 449, № 104.
191. Сидящая сфинкс. Три краснофигурных лекифа. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1863, с. 152, № 41-43.
192. Ахеменидский сфинкс. Халцедоновая инталия. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1907, с. 79, рис. 68; Неверов, 1976, № 49.
193. Сфинкс. Бронзовый перстень. IV в. до н. э. Пантикапей. Неверов, 1976, с. 22.
194. Сфинкс. Рельефное украшение бронзового сосуда. II – I вв. до н. э. Тамань. На краю ойкумены, 2002, № 632.
195. Сфинкс. Гравированное украшение медальона бронзовой чаши. I в. до н. э. Тамань. На краю ойкумены, 2002, № 623.

Горгоны

196. Маска Горгоны. Ионийская тарелка. 640-е гг. до н. э. Березань. Копейкина, 1970, с. 199; ББ, № 14.
197. Бегущая Горгона. Чернофигурный кратер. Первая половина VI в. до н. э. Ольвия. Копейкина, 1986, с. 37.
198. Маска Горгоны. Медальон чернофигурного килика. Первая половина VI в. до н. э. Ольвия. Копейкина, 1986, с. 40, рис. 7.
199. Голова Горгоны. Терракотовое украшение фронтона храма Аполлона. Середина VI в. до н. э. Ольвия. Древнейший теменос, 2006, с. 103.
200. Маска Горгоны. Украшение ручки бронзового зеркала. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Скржинская 1984. С. 124. № 12; Treister 2003. Abb. 8.
201. Маска Горгоны. Медальоны чернофигурных киликов. Последняя треть VI в. до н. э. Березань. Козуб 1987, с. 64, рис. 22; ББ, № 138.
202. Маска Горгоны. Медальон чернофигурного килика. 530-520 гг. до н. э. Гермонасса. Финогенова, 2005, с. 427, рис. 3.
203. Маска Горгоны. Медальоны четырех чернофигурных киликов. Последняя четверть VI в. до н. э. Ольвия. Древнейший теменос, 2006, с. 171, рис. 182.
204. Маска Горгоны. Чернофигурный скифос. 510 гг. до н. э. Березань. Горбунова, 1982, 45, рис. 10; Козуб, 1987, 65, рис. 23.
205. Маска Горгоны. Медальон чернофигурного килика. Конец VI в. до н. э. Пантикапей. CVA 1996, p. 59, pl. 64.

206. Маска Горгоны. Медальон чернофигурного килика. Конец VI в. до н. э. Мирмекий. Виноградов, 1992, с. 106, рис. 4.
207. Три бегущие Горгоны. Чернофигурный скифос. 500 г. до н. э. Березань. ББ, № 152.
208. Бегущая Горгона со змеями в руках. Халцедоновая инталия. Начало V в. до н.э. Пантикапей. ОАК. 1860, с. 88, табл. 4; Неверов, 1976, № 16; GRA, № 63.
209. Голова Медузы на эгиде Афины. Краснофигурная амфора. Первая четверть V в. до н. э. Ольвия. ОАМ, № 58.
210. Голова Медузы. Украшение бронзового панциря. Четвертый Семибратний курган. (Тамань). 460 г. до н. э. АХБ, № 75.
211. Голова Горгоны. Золотые бляшки. Вторая четверть V в. до н. э. Нимфей. Силантьева, 1959, с. 74, рис. 38.
212. Голова Горгоны. 14 золотых бляшек. 450-425 гг. до н. э. Второй Семибратний курган (Тамань). ОАК 1876, табл. 3; ГЗ, № 74.
213. Голова Медузы на щите Афины. Панафинейская амфора. Конец V в. до н. э. Тамань. Пиотровский, 1924. С. 32; Галанина 1962, с. 7, рис. 2.
214. Маска Горгоны. Рисунок на сероглиняном сосуде. V в. до н. э. Ольвия. Русяева, 1992, с. 34-35.
215. Бегущая и поверженная Горгоны. Костяная пластинка. V в. до н. э. Горгиппия. Алексеева, 1997, с. 14, 241, рис. 4, 5.
216. Маска Горгоны. Терракотовое украшение архитектурной детали. V в. до н. э. Нимфей. Крыжицкий, 1993, с. 52, рис. 23.
217. Маска Горгоны. Ольвийские медные монеты. V – IV вв. до н. э. Анохин 1989. С. 13-15. № 12, 14, 26; Русяева, 1992, с. 92.
218. Голова Медузы. Украшение бронзовых поножей. Первая половина V в. до н. э. Пантикапей. АХБ, № 77; Трейстер, 2009, с. 128-130.
219. Голова Медузы. Украшение бронзового нагрудника панциря. Конец V – первая четверть IV в. до н. э. Тамань. АХБ, № 76; Трейстер, 2009, с. 120- 130, рис. 1, 2.
220. Голова Медузы на эгиде Афины. Краснофигурный кратер. Рубеж V – IV вв. до н. э. Курган Бакса близ Пантикапея. Shefton, 1982, S. 149.
221. Маска Горгоны. Терракотовое украшение четырех архитектурных деталей. V – IV вв. до н. э. Ольвия. Крыжицкий, 1993, с. 74, рис. 41.
222. Маска Горгоны. Терракотовое украшение архитектурной детали. IV в. до н. э. Феодосия. Крыжицкий, 1993, с. 52, рис. 23.
223. Маска Горгоны. Рельефное украшение пиксиды. V в. до н. э. Боспор. Zervoudaki, 1968, S. 44, № 108.
224. Маска Горгоны. Штамп для производства бляшек. IV в. до н. э. Ольвия. Парович-Пешикан, 1974, с. 165-166.
225. Маска Горгоны. Восемь золотых бляшек. Ольвия. IV в. до н. э. Фурманська, 1958, с. 53.
226. Персей, отсекающий голову Медузы. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК, табл. 63 а; UKV, № 382.
227. Голова Медузы на эгиде Афины. Мраморная статуэтка IV – III вв. до н.э. Ольвия. АГСП, 1984, с. 213, табл. 102; Саверкина, 1986, с. 54-55.
228. Маска Горгоны. Терракотовое украшение архитектурной детали храма. Эллинистический период. Ольвия. Древнейший теменос, 2006, с. 115, рис. 123.
229. Маска Горгоны. Золотые бляшки. Эллинистический период. Херсонес. Пятышева 1956, с. 13, табл. 6.

230. Маска Горгоны. Терракотовое украшение архитектурной детали. III в. до н. э. Пантикапей. АМ, № 74.
231. Маски Горгоны. Рельефное украшение мегарских чашек. II в до н. э. Ольвия. Vogel, 1908, S. 31, № 279; Древнейший теменос, 2006, с. 179, рис. 194.
232. Маски Горгоны. Рельефное украшение мегарской чашки. II в до н. э. Херсонес. Хлыстун, 1996, с. 154.
233. Голова Медузы на эгиде Афины. Позолоченный медальон на дне чаши. II в до н. э. Ольвия. Штительман, 1965, с. 223- 227.
234. Голова Медузы. Костяной медальон позднеэллинистического времени. Тира. Самойлова и др., 2002, с. 238.
235. Голова Медузы. Серебряный медальон в парадном убранстве коня. I в. до н. э. Тамань. GRA. № 101.
236. Голова Горгоны. Крупный глиняный медальон местного производства. I в. н. э. Нимфей. Грач, 1999, с. 57, рис. 19.
237. Голова Горгоны. Роспись склепа. Конец I–II в. н.э. Пантикапей. АДЖ, табл. 65.
238. Голова Медузы на эгиде Афины. Мраморный вотивный рельеф II в. н. э. Ольвия. Русяева 1992, с. 95, рис. 28.
239. Маска Горгоны. Украшение саркофагов из некрополей Пантикапея, Кеп и Тузлы. I–II вв. н.э. Сокольский, 1969, № 102, 108, 177, 180, 181, 182, табл. 43.
240. Голова Горгоны. Роспись склепа. Первая половина II в. н. э. Пантикапей. АДЖ, табл. 71.
241. Голова Горгоны. Камея из сардоникса. Первые века н. э. Тира. Островерхов, Батизат, 2002, с. 114, рис. 1.

Прорастающая дева

242. Крылатая прорастающая дева. Золотые бляшки и костяные фигурки. 330- 300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). АГСП, 1955, с. 429, рис. 25; ГЗ, № 204, 205.
243. Крылатая прорастающая дева. Золотые бляшки. Конец IV – начало III в. до н. э. Херсонес. Вахтина, 2005, с. 363, рис. 37.
244. Крылатая прорастающая дева между двумя грифонами. Известняковая капитель. Конец IV – III в. до н. э. Херсонес. Буйских, 2006, с. 134, рис. 2.
245. Прорастающая дева. Известняковый антефикс. I в. н.э. Пантикапей. АП, № 135.

Обитатели морских глубин

Тритоны, гиппокампы и морские драконы

246. Тритон. Медальон чернофигурного килика. Вторая половина VI в. до н.э. Ольвия. Леви, 1964, с. 322, рис. 2, 2.
247. Тритон. Два кизикийских статера. Конец VI – первая половина V в. до н.э. Мирмекийский клад, № 40, 56.
248. Посейдон верхом на гиппокампе. Чернофигурный лекиф. 470 г. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997, с. 35, рис. 26.
249. Фетида на гиппокампе. Терракота. Рубеж V – IV вв. до н. э. Ольвия. Русяева, 1982, с. 92.
250. Морской дракон. Золотые бляшки V – IV вв. до н. э. из боспорских курганов Куль-Оба, Большая и Малая Близницы. ДБК, табл. 20, 14; Артамонов, 1966, № 275, 296; Копейкина 1986, с. 47.

251. Гиппокамп. Золотые бляшки. IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. Артамонов 1966, № 256.
252. Тритон и nereиды на гиппокампах в свите Зевса и Европы на пути на Крит. Краснофигурные рыбные блюда. Первая треть IV в. до н. э. Пантикапей, Нимфей, Фанагория. ОАК 1882, с. 106-109; Циммерман, 1979, с. 63, 66, табл. 1, 2; Скржинская, РА. 2002, с. 33-34; Barringer 1991, p. 658-659.
253. Морской дракон среди рыб. Стекловая вставка в золотой перстень. Середина IV в. до н. э. Павловский курган близ Керчи. ГЗ, № 108.
254. Две nereиды на гиппокампе и морском драконе. Краснофигурная пелика. 340-330 гг. до н. э. Пантикапей. РД, с. 70, рис. 95; Силантьева, 1959, с. 48.
255. Тритон и nereида с дельфином. Фрагмент краснофигурного оксибафа. Ольвия. IV в. до н. э. ИАК, 1906, № 13, с. 188, рис 144.
256. Фетида на гиппокампе. Две парные золотые подвески к головному убору. 330-300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). ОАК 1865, с. 41-48, табл. 2; ГЗ, с. 186, 267, № 120, 202.
257. Амфитрита, плывущая на дельфине к Посейдону. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК, табл. 61; UKV, № 413.
258. Nereиды на гиппокампах, морских драконах и гиппокентавре. Резные позолоченные украшения деревянного саркофага. Конец IV – III вв. до н. э. Горгиппия. ОАК. 1882-1888, табл. 3; Иванова, 1958, с. 99-100, рис. 4, 5, 7; Сокольский, 1969, с. 30, табл. 12, 3; 13, 2 и 3.
259. Тритонида, везущая nereиду. Две позолоченные фигурки из декора деревянного саркофага. Конец IV – III вв. до н. э. Горгиппия. Иванова, 1958, с. 99-100, рис. 5.
260. Тритониды. Украшения на позолоченных удилах. Начало III в. до н. э. Курган Васюрина гора (Тамань). Власова, 2004, с. 168, рис. 24.
261. Морской дракон. Две бронзовые фигурки от украшения колесницы. Первая половина III в. до н. э. Курган Васюрина гора (Тамань). Власова, 2004, с. 166, рис. 19, 20.
262. Два морских дракона. Золотая диадема. Первая половина II до н. э. Пантикапей. Derpert-Lippitz, 1985, S. 275, Taf. 28.
263. Тритон, трубящий в раковину. Костяная пластинка от украшения шкатулки. I в. н. э. Тиритака. АГСП, 1984, с. 318, табл. 127, 2.
264. Гиппокампы. Украшение деревянного саркофага. Конец I – начало II в. н. э. Пантикапей. Сокольский, 1969, с. 67, табл. 38, 1.

Крылатые звери

Львиноголовые грифоны

265. Грифон. Фрагмент покрывала из 6-го Семибратнего кургана на Тамани. Начало IV в. до н. э. ОАК, 1878-79, С. 120 Табл. 4; Герцигер, 1973. С. 76-77. Рис. 4.
266. Сражение грифона с амазонками. Краснофигурная пелика. Начало IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 141, рис. 3, 1; Вдовиченко, 2003, № 1058.
267. Львиноголовый и орлиноголовый грифоны в сцене охоты. Аттический лекиф с рельефными фигурами мастера Ксенофанта. 380 г. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 45, 46; Скржинская, 1999, с. 121-130; Виноградов, 2007, с. 23-24.
268. Два грифона. Золотая бляшка из боспорской мастерской. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. Копейкина, 1986, с. 49.
269. Два грифона. 3 краснофигурных аска из Пантикапея и 1 из Фанагории. Вторая четверть IV в. до н. э. CVA Russia, 2003, p. 71, tab. 63, 1-5.

270. Два аримаспа, убегающие от грифона. Две краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV, № 360, 381; Шталь, 1989, с. 145.
271. Грифон, идущий по пшеничному колосу. Золотые монеты Пантикапея. IV в. до н. э. БЦ, с. 582-583, табл. I, 16, 20; Виноградов, Шауб, 2005, с. 219-223.
272. Два грифона около богини с побегами аканфа, заменяющими ее ноги. Антовая известняковая капитель монументального сооружения. IV- III вв. до н. э. Херсонес. Буйских, 2006, с. 130, рис. 2.
273. Головы грифонов. Застежка золотого ожерелья. II в. до н. э. Артюховский курган на Тамани. Максимова, 1979, с. 54, рис. 10.

Грифоны с головами птиц и ящеров

274. Грифон. Обломок ионийской ойнохои. Первая половина VI в. до н. э. Березань. ББ, 2005, № 18.
275. Сидящий грифон. Обломки двух чернофигурных сосудов. VI в. до н. э. Пантикапей. Толстиков, 1992, рис. 10.
276. Грифон. Семь электровых монет Кизика. 500-460 гг. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 4, 57, 64-66, 73-75; Абрамзон и др., 2006, с. 16.
277. Грифон. Фрагмент мраморной статуи. Первая половина V в. до н. э. Ольвия. АГСП, 1984, табл. 98, 1.
278. Голова грифона. Золотые серьги. Вторая половина V в. до н. э. Нимфей. Depert-Lippitz, 1985, S. 148, Abb. 97.
279. Грифон. Печать из агата. Последняя четверть V в. до н. э. Пантикапей. Неверов, 1973, с. 60, рис. 2, 7; АГСП, 1984, табл. 169, 6.
280. Грифон. Скарabeоид из горного хрусталя. V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1864, с. 100; Мирмекийский клад, 2004, № 158.
281. Грифон, сидящий перед хлебным колосом. Золотые и серебряные монеты синдов. Конец V – начало IV в. до н. э. БЦ, табл. I, 9, 10.
282. Два грифона. Краснофигурный аск. Вторая четверть IV в. до н. э. Пантикапей. CVA Russia, 2003, pl. 63.
283. Грифон. Краснофигурные аски. Вторая четверть IV в. до н. э. Китей. Шталь, 2004, № 12, 13.
284. Грифон. Золотые бляшки из боспорской мастерской. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. Копейкина, 1986, с. 50, 61.
285. Грифон. Украшение шлема Афины. Золотая подвеска. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. ГЗ, № 87.
286. Грифон. Украшение шлема Афины. Позолоченные терракотовые медальоны. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей, Нимфей, Тамань. Силантьева, 1959, с. 35, рис. 13, 1; Онайко, 1979, с. 394; Завойкин, 2003, с. 94-95.
287. Грифон. Медные монеты Пантикапея. Середина IV в. до н. э. Зограф, 1951, табл. XL, 12, 14, 16, 18; Табл. XLI, 18; БЦ, табл. I, 18.
288. Грифон. Известняковая плита. 350-300 гг. до н. э. Пантикапей. АМ, № 127; Тункина, 2002, с. 213, рис. 77.
289. Головы грифонов. Декор золотых серег «роскошного» стиля. Конец IV в. до н. э. Херсонес. Саверкина, 2000, с. 18, рис. 7.
290. Головы грифонов. Скульптурные украшения саркофагов. IV в. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. Артамонов, 1966, № 312.

291. Грифон. Монеты Херсонеса. Последняя треть IV – II вв. до н. э. Анохин, 1977, с. 138, № 60-76; с. 142. № 125, 126; с. 145. № 159, 160.
292. Грифон. Известняковая плита. IV – III вв. до н.э. Пантикапей. Античная скульптура 2004. С. 138. № 78.
293. Голова грифона. Украшение позолоченного конского налобника. Начало III в. до н.э. Курган Васюрина гора на Тамани. Власова, 2004, с. 165, рис. 9.
294. Грифон. Рельеф на мраморной стенке саркофага. II в. н.э. Херсонес. АП. № 183; АСХ, № 501.

Грифоны вместе с реальными животными

295. Грифон и гусь. Обломок родосско-ионийского диноса. Третья четверть VII в. до н. э. Ольвия. Фармаковский, 1914, с. 16, табл. I; Копейкина, 1976, с. 137, рис. 4.
296. Охота на грифонов, кабана и ланей. Аттический лекиф с рельефными фигурами мастера Ксенофанта. 380 г. до н. э. Пантикапей. ДБК, табл. 45, 46; Скржинская, 1999, с. 121-130; Виноградов, 2007, с. 23-24.
297. Два грифона и львица. Роспись саркофага IV – III вв. до н. э. Херсонес. Стржелецкий, 1969, с. 80-81, рис. 40.
298. Грифоны, львы, кабаны и пантеры. Фриз на мозаичном полу андрона. III в. до н. э. Ольвия. Леви, 1985, с. 43, рис. 26.

Божества, едущие на грифонах

299. Афродита на колеснице, запряженной двумя грифонами. Краснофигурная пелика. Первая четверть V в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 137-138, рис. 1.
300. Аполлон на грифоне. Краснофигурный килик. Рубеж V – IV вв. до н. э. Хора Херсонеса. Горбунова, 1977, с. 41-45; АГСП, 1984, табл. 143, 5.
301. Дионис верхом на грифоне. Двадцать краснофигурных пелик. Пантикапей. IV в. до н.э. UKV, № 404, 407, 409, 410, 438, 454, 457; ПБП, с. 146, рис. 4-6; Шталь, 2000, табл. 3, I; 4, I; 7, 2; Фомина, 1996, с. 61- 62; Вдовиченко, 2003, № 1-4, 98.
302. Дионис верхом на грифоне. Краснофигурная пелика. Феодосия. IV в. до н. э. Вдовиченко, 2003, с. 488, № 970.
303. Дионис верхом на грифоне. Краснофигурная пелика. Херсонес. IV в. до н. э. Вдовиченко, 2003, с. 488, № 542.
304. Менада на грифоне. Золотая бляшка на калафе жрицы. Курган Большая Близница на Тамани. IV в. до н.э. РД, с. 51, рис. 67; Артамонов, 1966, № 288; Емец, 2002, с. 101.
305. Аполлон на грифоне. Роспись склепа. Пантикапей. Первые века нашей эры. РД, с. 34, рис. 38.

Грифоны, терзающие зверей

306. Грифон, нападающий на пятнистую лань. Фрагмент краснофигурного ритона. 425-420 гг. до н. э. Фанагория. Лосева, 1968, с. 91-92, рис. 3; CVA Russia, 2003, tab. 37.
307. Грифон, терзающий коня. Электровый перстень. Первая половина V в. до н. э. Нимфей. ОАК 1877, с. 261, табл. 5, 12; Силантьева, 1959, с. 46, рис. 19; АГСП 1984, табл. 170, 6.
308. Грифоны, терзающие коня. Две краснофигурные пелики. Пантикапей. 370-350 гг. до н. э. UKV, № 536; ПБП, с. 137, рис. 2, I; Шталь, 2000, с. 64, № 103, 104.
309. Два грифона, терзающие лань. Две краснофигурные пелики. Середина IV в. до н. э.

- Пантикапей. UKV, № 537; ПБП, с. 140, 152, рис. 2, 4; 10, 2; На краю ойкумены, 2002, с. 28. № 38.
310. Грифоны и львы, нападающие на лань, быка и лошадь. Крышка краснофигурной леканы. 360 г. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861, с. 28, табл. 2, 2; UKV, № 18.
311. Грифоны, нападающие на разных животных. Позолоченные деревянные фигурки на продольных стенках саркофага. IV в. до н. э. Курган Мирзы Кекуватского в некрополе Пантикапея. БЦ, с. 255; Сокольский, 1971, с. 232, табл. 35, 8.
312. Грифон, терзающий пантеру. Золотая бляшка. IV в. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. Емец, 2002, с. 104.
313. Грифон, терзающий коня. Деревянный саркофаг. Вторая половина IV в. до н. э. Гермонасса. ОАК 1869, с. 176-178; Сокольский, 1969, с. 23, табл. 7, 3.
314. Грифон, терзающий быка. Мраморное надгробие римского времени. Фанагория. Кузнецов, 2007, с. 10, рис. 8.
315. Грифон, терзающий быка. Украшение деревянного саркофага. Первая половина II в. н. э. Пантикапей. Сокольский, 1969, с. 67, табл. 42, 2.

Грифоны, сражающиеся с амазонками

316. Поединок грифона и амазонки. Фрагмент краснофигурного кратера. Начало IV вв. до н. э. Горгиппия. Цветаева, 1980, с. 85, рис. 7.
317. Амазонки, сражающиеся с грифонами. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003, с. 490, № 1000.
318. Поединок амазонки и грифона. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Северное Причерноморье. ПБП, с. 141, рис. 3, 1, с. 153, рис. 10, 4.
319. Поединок амазонки и грифона, сторожащего золото. Краснофигурный лекиф. Вторая четверть IV в. до н. э. Пантикапей. ГЗ, с. 159, рис. 49.
320. Поединок копейной амазонки и грифона. Фрагмент краснофигурного кратера. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1962, с. 178, рис. 6; Вдовиченко, 2003, с. 452, № 199.
321. Копейная амазонка, сражающаяся с грифоном. Фрагмент краснофигурной пелики. 330-320 гг. до н. э. Херсонес. Вдовиченко, 2003, с. 468, № 550.
322. Сражение двух амазонок с грифоном. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 157, рис. 11, 1; 12, 2; На краю ойкумены, 2002, с. 29, № 40.
323. Пешая амазонка, сражающаяся с грифоном. Фрагменты двух краснофигурных пелик. Конец IV в. до н. э. Херсонес. Вдовиченко, 2003, с. 468, № 566, 571.
324. Сражение амазонки на биге с двумя грифонами. Краснофигурная пелика. Конец IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 144; UKV, № 453.
325. Сражение амазонок с грифонами. Золотой калаф. 330-300 гг. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. ГЗ, № 203.
326. Грифон и поверженная амазонка. Рельефное украшение бронзового таза. Эллинистический период. Тамань. Анфимов, 1966, с. 19.

Протомы амазонок, коней и грифонов

327. Голова амазонки и грифон. Две крышки краснофигурных лекан. Середина IV в. до н. э. Тиритака. Шталь, 2000, № 64, 67.
328. Голова амазонки и лежащий грифон. Крышка краснофигурной леканы. Вторая четверть IV в. до н. э. Херсонес. Шталь, 2004, № 66.

329. Головы амазонки и грифона. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 153, рис. 10; с. 144, рис. 6.
330. Две головы амазонок и две головы грифонов. Крышка краснофигурной леканы. IV в. до н. э. Пантикапей. АМ, № 51.
331. Головы амазонки и грифона. Обломок крышки краснофигурной леканы. IV в. до н. э. Поселение на м. Зюк (Боспор). Шталь, 2004, № 63.
332. Головы амазонок, грифона и коня. 16 краснофигурных пелик. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 139, рис. 2, 2; с. 158, рис. 11; АРК, № 52; Вдовиченко, 2003, с. 445-448, № 31-40, 78, 81, 87, 91.
333. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика 350-325. Нимфей. Силантьева, 1959, с. 47, рис. 22; ДГН, № 72; UKV, № 464.
334. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Мирмекий. Вдовиченко, 2003, с. 446, № 63.
335. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Феодосия. Вдовиченко, 2003, с. 487, № 960.
336. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Оливия. Вдовиченко, 2003, с. 492, № 1030.
337. Голова амазонки между обращенных к ней в профиль грифонов. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Херсонес. Шталь, 2000, с. 67, № 106.

Грифоны, сражающиеся с аримаспами

338. Грифон, нападающий на конного аримаспа. Краснофигурная пелика. 360-350 гг. до н. э. Нимфей. ДГН, № 75.
339. Конный аримасп, сражающийся с грифоном. Одиннадцать краснофигурных пелик. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 141, рис. 4; АРК, № 51; UKV, № 411, 456, 545; Вдовиченко, 2003, с. 445, № 15-22, 101.
340. Пеший аримасп, сражающийся с грифоном. Четыре краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 144, рис. 6, 4; UKV, № 420-423.
341. Три аримаспа, сражающиеся с грифоном. Краснофигурная пелика. 350-330 гг. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003, с. 490, № 1002.
342. Пеший аримасп без шапки, сражающийся с грифоном. Фрагмент краснофигурной пелики. 330-320 гг. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003, с. 490, № 1001.
343. Конный аримасп, сражающийся с грифоном. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Феодосия. Вдовиченко, 2003, с. 488, № 965.
344. Два грифона, нападающие на конного аримаспа. Три краснофигурные пелики. 330-320 гг. до н. э. Пантикапей. Вдовиченко, 2003, с. 444, № 8-10.
345. Грифон, обороняющийся от нападения двух пеших аримаспов. Три краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV, № 408, 539; Вдовиченко, 2003, с. 445, № 25.
346. Грифон, обороняющийся от нападения двух аримаспов. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Горгиппия. UKV, № 455.
347. Аримасп верхом на грифоне. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Ашик, 1849, т. 3, № 18; ОАК 1861, табл. 2.
348. Аримасп, сражающийся с грифоном. Обломок краснофигурной пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Тира. Буравчук, Самойлова, 1983, с. 156, рис. 3, 1.

Крылатые кони и кабаны, львы и змеи

349. Взлетающий крылатый конь. Целая клазоменская амфора и обломки стенок семи подобных амфор. Середина VI в. до н. э. Березань. Книпович, 1927, табл. 12; Копейкина, 1979, с. 17-18, рис. 16, 18.
350. Взлетающий крылатый конь. Обломки стенок трех клазоменских амфор. Середина VI в. до н. э. Ольвия. Книпович 1927, с. 92; Леви, 1972, с. 47-48, рис. 14.
351. Взлетающий крылатый конь. Клазоменская амфора. 520 г. до н. э. Пантикапей. ОАК 1902. С. 54. Рис. 91. Книпович, 1927, с. 90, табл. 11; Копейкина, 1979, с. 18, рис. 17.
352. Пегас на щите Афины. Панафинейская амфора. 515-510 гг. до н. э. Пантикапей. ИАК № 45, 1912, с. 77, табл. 5.
353. Крылатый конь. Медальон чернофигурного килика. Конец VI в. до н. э. Березань. ББ, 2005, № 134.
354. Два крылатых коня. Чернофигурный киаф. 500-490 гг. до н. э. Ольвия. Горбунова, 1983, № 176.
355. Беллерофонт на Пегасе. Серебряный килик. 460 г. до н. э. Второй Семибратний курган (Тамань). Горбунова, 1971, с. 23-26, рис. 6.
356. Крылатые змеи, везущие Триптолема. Два кизикинских статера. 460-400 гг. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 22, 23.
357. Пегас. Кизикийский статер. 460-400 гг. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 85.
358. Пегас. Золотая серьга. 400-350 гг. до н. э. Пантикапей. ГЗ, № 101.
359. Крылатый лев. Золотая монета. 379-369 гг. до н. э. Пантикапей. Анохин 1986, с. 140, № 92.
360. Крылатый кабан. Золотые бляшки. Первая половина IV в. до н. э. Курганы Куль-Оба и Второй Семибратний на Тамани. Артамонов, 1966, рис. 49; Копейкина, 1986, с. 58.
361. Пегас. Медная монета Пантикапея. Середина IV в. до н. э. БЦ, с. 582, № 19, табл. 1, 19.
362. Пегас. Круглые золотые бляшки для подвешивания к ожерелью. Старший Трехбратний курган близ Нимфея. Вторая половина IV в. до н. э. АП, № 23; Трейстер 2006, с. 171, рис. 14.
363. Пегас. Подвеска из слоновой кости к ожерелью эллинистического времени. АГСП, 1955, с. 428, рис. 27.
364. Пегас. Медная монета Херсонеса. III в. до н. э. Анохин, 1977, с. 144, № 155.
365. Крылатый лев. Украшение серебряного конского наносника. Курган Васюрина гора (Тамань). III в. до н. э. Власова 2004, с. 168, рис. 26.
366. Пегас. Медная монета Пантикапея. 47-30 г. до н. э. АГСП, 1984, табл. 78, 38.
367. Пегас. Украшение деревянного саркофага. I – начало II вв. н. э. Пантикапей. Сокольский, 1969, табл. 39, 6.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А. Клады античных монет из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2006.
- Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
- Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
- Античная расписная керамика из собрания Гос. Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1985 (АРК)
- Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. (АСХ)
- Античная скульптура. Из собрания Керченского Государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2004.
- Античная художественная бронза. Л., 1973. (АХБ)
- Античные города Северного Причерноморья. М., Л., 1955. (АГСП 1955)
- Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. (АГСП 1984)
- Анфимов Н.В. Комплекс бронзовых предметов из кургана близ станции Тамижбекской // Культура античного мира. М., 1966.
- Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов из собрания Государственного Эрмитажа. Прага - Ленинград, 1966.
- Ашик А. Боспорское царство. Одесса, 1849. Ч. 3.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.
- Белов Г.Д. Керамика конца V-IV века до н. э. из некрополя Херсонеса // ТГЭ. № 17. 1976.
- Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М., 1953. (ИАРК)
- Борисковская С.П. Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // ТГЭ. 1997. № 28.
- Борисфен — Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. СПб., 2005. (ББ)
- Браишечкий И.Б. Раскопки в районе теменоса Ольвии в 1960-1962 гг. // КСИА. 1965. № 103.
- Буйских А.В. Sofa- капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // Боспорские исследования. Вып. 11. Симферополь - Керчь, 2006.
- Вдовиченко И.И. Керченские вазы // Боспорские исследования. Симферополь, 2003. Т. 3.
- Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы из крымских музеев. Симферополь, 2003.
- Виноградов Ю. А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю. О семантике изображений на золотых статерах из Пантикапея // Археологические вести. 2005. № 12.
- Виноградов Ю.А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб., 2007.
- Винокуров Н.И. Виноделие античного Боспора. М., 1999.
- Винокуров Н.И. Античная виноторговля в Северном Причерноморье // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, 2002.
- ВиттерБ.Р. Искусство Древней Греции. М., 1972.
- Власова Е.В. Курган Васюринна гора на Таманском полуострове //Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949. (БЦ)
- Галанина Л.К. Панафинейская амфора – награда атлету в Афинах. Л., 1962.
- Герцигер Д.С. Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973.
- Горбунова К.С., Передольская А.А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961. (МГВ)
- Горбунова К.С. Аттические вазы в форме человеческих голов из собрания Эрмитажа // ТГЭ. 1962.Т.7.

- Горбунова К.С.* Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.-Л., 1964.
- Горбунова К.С.* Чернофигурный кратер мастера Лидоса // СА. 1964. № 3.
- Горбунова К.С.* Самосская амфора с комастами // СГЭ. 1966. № 27.
- Горбунова К.С.* Килик Олтоса из раскопок Ольвии в 1968 г. // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 1970. № 19.
- Горбунова К.С.* Килик с комастами из раскопок Березани // СА. 1970. № 4.
- Горбунова К.С.* серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.
- Горбунова К.С.* Белые лекифы в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973.
- Горбунова К.С.* Фрагменты аттических чернофигурных чаш Тлесаона с острова Березань // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
- Горбунова К.С.* Краснофигурный килик, найденный на некрополе Панское I // История и культура античного мира. М., 1977.
- Горбунова К.С.* Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- Горбунова К.С.* Аттическая чернофигурная керамика из раскопок 1962-1971 гг. на участке «Г» о. Березань // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982.
- Горбунова К.С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983.
- Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. (МИС)
- Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- Денисова В. И.* Кородластика Боспора. Л., 1981.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова Н.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Древнейший теменос Ольвии Понтийской.* Симферополь, 2006.
- Древности Боспора Киммерийского.* СПб., 1854. (ДБК)
- Емец И.А.* Греко-варварские религиозные взаимоотношения на Боспоре Киммерийском. М., 2002.
- Зайцева К.И.* Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // Художественная культура и археология античного мира. М. 1976.
- Зайцева К.И.* Свинцовые изделия IV–II вв. до н. э. местного производства Ольвии // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004.
- Завойкин А.А.* Керамические вотивы из святилища «Береговой» 4 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003.
- Зедгендзе А.А.* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса // КСИА, 1978. № 156.
- Зицько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея. Симферополь - Керчь, 2003.
- Зограф А.Н.* Античные монеты. МИА № 16. М.-Л., 1951.
- Иванов В.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.
- Иванова А.П.* Анапский саркофаг и деревянная резьба на Боспоре в эпоху эллинизма // ТГЭ. 1958. Вып. 2.
- Ильина Ю.И.* Хиосская керамика конца VII – начала VI века до н.э. из раскопок на острове Березань // ТГЭ. 1997. № 28.
- Ильина Ю.И.* Ранняя краснофигурная керамика Березани // Античное Причерноморье. СПб., 2000.
- Ильина Ю.И.* Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен — Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2005. С. 70-173.
- Кириллин Д.С.* Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Кишпович Т.Н.* Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря // Известия ГАИМК. 1927. Т.5.
- Кишпович Т.Н.* Художественная керамика // Античные города Северного Причерноморья. М., 1955.

- Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики. МИА. № 19. 1951. (ПБП)
- Кобылина М.М. Милет. М., 1965.
- Кобылина М.М. Форма с изображением сирены из Фанагории // СА. 1967. № 1.
- Кобылина М.М. Пан на надгробной плите из Фанагории. // СА. 1973. № 3.
- Козуб Ю.И. Аттическая керамика // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987.
- Колобова К.М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961.
- Копейкина Л.В. Фрагмент родосско-ионийской тарелки из раскопок 1966 г. на о. Березань // СА. 1970. № 3.
- Копейкина Л.В. Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- Копейкина Л.В. Родосско-ионийская керамика VII в. до н. э. и ее значение для изучения раннего этапа существования Березанского поселения // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982.
- Копейкина Л.В. Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей // Археологический сборник. № 27. Л., 1986.
- Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. Л., 1986.
- Корпусова В.Н. Восточно-греческая расписная керамика // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Кузина Н.В. Культ Диониса и его роль в идеологии античных государств Северного Причерноморья // Из истории античного общества. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008.
- Кузнецов В.Д. Раскопки в Кепах в 1984-89 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Кузнецов В.Д. Фанагория. История исследования и новые находки // РА. 2007. № 2.
- Кутайсов В.А. Керкинитида. Симферополь, 1992.
- Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004.
- Латышев. В.В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997.
- Леви Е.И. Материалы Ольвийского теменоса; Керамический комплекс III – II вв. до н.э. из раскопок Ольвийской агоры // Ольвия. Теменос и агора. М-Л., 1964.
- Леви Е.И. Описание терракот теменоса Ольвии // Терракоты Северного Причерноморья. САИ, 1970.
- Леви Е.И. Арханская керамика из раскопок Ольвийской агоры // КСИА. 1972. № 130.
- Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
- Лиссарт Ф. Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира. М., 2008.
- Лосева Н.М. Краснофигурная керамика Фанагории из раскопок 1938-1962 гг. // Сообщения ГМИИ. 1968. Вып. 4.
- Лосева Н.М. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1984. № 7.
- Лосева Н.М. Аттический краснофигурный стамнос из Керчи // Сообщения ГМИИ. 1984. № 7.
- Макимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979.
- Мащевич А.П. Березанская амфора // ИГАИМК. 1927. Т. 5.
- Мащевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987.
- Масленников А.А., Розов В.Н. Расписная керамика с мыса Зюк // КСИА. 1990. № 197.
- Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. М., 2006.
- Мирмекийский клад. Каталог выставки в Эрмитаже. СПб., 2004.
- Мирошина Т.В. Греческие украшения Северного Причерноморья // КСИА, 1983. № 174.
- Михайлин В.Ю. Золотое лекало судьбы. Пектораль из Толстой могилы и проблема интерпретации скифского звериного стиля. // Власть. Судьба. Интерпретация культурных кодов. Саратов, 2003.
- Музы и маски. Каталог выставки в Эрмитаже. СПб., 2005.

На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М. 2002.

Неверов О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976.

Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983.

Неверов О. Я. Перстни // Античное художественное серебро. Каталог выставки. Л., 1985.

Неверов О.Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья. // Античная торевтика. Л., 1986.

Онайко Н.А. Аполлон Гиперборейский // История и культура античного мира. М., 1977.

Онайко Н.А. Об отражении монументального искусства в боспорской торевтике // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979.

Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змсином). Киев, 1993.

Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.

Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967.

Передольская А.А. Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.

Пиотровский А.И. Панафинейская амфора из Елисаветинского кургана // ИРАИМК. 1924. № 13.

Пятьшева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса. М., 1956.

Рабичкин Б.М. Поселение у Широкой Балки // КСИИМК. 1951. № 4.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. (АДЖ).

Русяева А.С. Земледельческие культы Ольвии. Киев, 1979.

Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.

Русяева А.С. Религия понтийских эллинов. Киев, 2005.

Саверкина И. И. Греческая скульптура. Л., 1986.

Саверкина И. И. Роскошные серьги в Эрмитаже и других музеях // Античное Причерноморье. СПб., 2000.

Савостиши Е.А. Эллада и Боспор. Историко-культурные связи и греческий импульс в развитии пластики Северного Причерноморья. Диссертация на соискание уч. степ. доктора искусствоведения. М. 2004.

Самойлова Т.Л., Кожжакару В. и др. Исследования античной Тиры и средневекового Белгорода // Археологічні відкриття в Україні 2000 – 2001 рр. Київ, 2002.

Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI – IV вв. до н. э. Киев, 1989.

Сидорова Н.А. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 1962. № 103.

Сидорова Н.А. Архаическая керамика из раскопок Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1968. № 4.

Сидорова Н.А. Чернофигурная керамика из Пантикапея (раскопки 1959-1969) // Сообщения ГМИИ. 1984 № 7.

Сидорова Н.А. Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1992. № 10.

Силаштьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69.

Скржинская М.В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984.

Скржинская М.В. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3.

Скржинская М.В. Иллюстрации литературных приведений на аттических вазах из раскопок Боспора // РА. 2002. № 1.

Скржинская М.В. Миф о похищении Европы и его символическое толкование на Боспоре в IV в. до н. э. Сборник научных трудов СТЕΦΑΝΟΣ. М., 2005.

Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладe и в Северном Причерноморье. Киев, 2009.

Скуднова В.М. Хиосские кубки из раскопок на острове Березань // СА. 1957. № 11.

Скуднова В.М. Родосская керамика с Березани // СА. 1960. № 2.

Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. (АНО)

Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973. (АП)

- Соколов Г.И. Ольвия и Херсонес. Ионическое и дорическое искусство. М., 1999.
- Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969.
- Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.
- Сорокина Н.П. Навершие боспорского надгробия с фигуркой сирены из собрания Гос. Исторического музея // Археологический сборник. Труды Гос. исторического музея. М. 1960. Вып. 37.
- Сорокина Н.П. Религия и коропластика в античности (Фигурные сосуды из собрания ГИМ). М., 1997.
- Степи европейской части СССР. Скифо-сарматское время. М., 1989.
- Стефани Л. Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в 1876 г. в южной России // ОАК за 1877 г. СПб., 1878.
- Стржелецкий Ф.Ф. Живопись и полихромные росписи монументальных надгробных сооружений IV–III вв. до н. э. // Сообщения Херсонесского музея. 1969. Вып. 4.
- Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. СПб., 1889. (РД)
- Трейстер М.Ю. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгииппии // ВДИ 1982. № 3.
- Трейстер М.Ю. Серебряный рельеф с образом «Rankenfrau» из Крыма // Херсонесский сборник. Вып. 11. 2001.
- Трейстер М.Ю. Бронзовый нагрудник панциря с изображением головы Медузы из кургана у ст. Елизаветинской в Прикубанье // Боспорские исследования. Вып. 21. Симферополь-Керчь, 2009.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России. СПб., 2002.
- Туровский Е.Я. Грифон на античных монетах // Сугдейский сборник. Киев, 2004.
- Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н.э. СПб., 1995. (ГЗ)
- Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // ИАК. 1903. № 8.
- Фармаковский Б.В. Архаический период в России // МАР. 1914. № 34.
- Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории // Записки РАИМК. 1921. Вып. 1.
- Фиалко Е.Е. Сюжет з кентавром на фракийской збруї з кургану Огуз // Археологія 1993. № 4.
- Финогенова С.И. Художественная кость из Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1984. Вып. 7.
- Финогенова С.И. Очерки истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // Древности Боспора. № 8. М., 2005.
- Фомина Т.А. Дионисийская символика на вазах керченского стиля (пелики) // Классическая филология на современном этапе. М., 1996.
- Фурманська А.І. Ліварні форми з розкопок Ольвії // АП АН УССР. Киев, 1958. Т. 7.
- Хлыстуи Т.Г. Мифологические образы в рельефах мегарских чаш из Херсонеса // Херсонесский сборник. Севастополь, 1996. Вып. 7.
- Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–III вв. до н. э. Л., 1962.
- Цветавва Г.А. Расписная керамика из Горгииппии // Горгииппия. Т. I. Краснодар, 1980.
- Цильмерман К. Фрагменты аттических блюв в Эрмитаже. // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- Шауб И.Ю. Афинская чернофигурная керамика с изображением сфинксов // КСИА. 1979. № 159.
- Шеллов Д.Б. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н. э. М., 1956.
- Шталь И.В. Эпические предания Древней Греции. М., 1989.
- Шталь И.В. Миф, культ, эпос в греческой вазописи керченского стиля // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М., 1994.
- Шталь И.В. Указатель мифо-эпических сюжетов краснофигурной вазовой живописи керченского стиля // Классическая филология на современном этапе. М, 1996.
- Шталь И.В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской федерации и стран СНГ (пелики IV в. до н. э., керченский стиль). М., 2000.

- Шталь И.В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской федерации и стран СНГ (леканы, аски, лекифы, ойнохои IV в. до н. э. Керченский стиль). М., 2004.
- Штительман Ф.М.* Медальон с изображением Афины из Ольвии. // СА. 1965. № 4. С 223- 237.
- Штительман Ф.М.* Античне мистецтво. Київ, 1977. (АМ)
- Щеглов А.Н.* Терракоты Ольвии // ТС. 1970.
- Зима Н.А.* Навкратийская амфора с Таманского полуострова // ИАК. 1912. № 40.
- Яйленко В.П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. Л., 1990.
- Alexander Ch.* Jewellery. The art of the goldsmith in classical times. New- York, 1928.
- Barringer J.M.* Europa and the Nereids: Wedding or Funeral? // AJA. 1991. № 4
- Beazley J.D.* Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1963. (ARV)
- Boardman J.* Athenian Red-Figure Vases. The Archaic Period. London, 1985.
- Boardman J.* Athenian Black-Figure Vases. London, 1985.
- Boardman J.* Athenian Red Figure- Vases. The Classical Period. London, 1997.
- Buitron D., Cohen B.* Syrens // The Odyssey and Ancient Art. New- York, 1992.
- Charbonneaux J.* Grèce Hellénistique. Paris, 1970.
- Corpus vasorum antiquorum.* Russia. Pushkin State Museum Fine Arts. Moskow. 1996, 2003.
- Deppert – Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985.
- Hedreen G.* Silens, Nymphs and Maenads // JHS. V. 114. 1994.
- Heres G.* Gfeifenprotomen aus Milet // Klio. 1970. Bd. 52.
- Howe T.* The Origin and Function of the Gorgon Head // AJA. 1954. № 58. 3.
- Marx P.A.* The Introduction of the Gorgoneion to the Shield and Aegis of Athena and the Question of Aedoiou // Revue archeologique, 1993. Fasc. 2.
- Kaposhina S.I.* A Sarmation Royal Byrial at Novocherkassk // Antiquity. 1963. V. 37.
- Petrakos B.* National Museum. Athens, 1998.
- Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923.
- Ridgway B.S.* Hellenistic Sculpture III. The Styles of 100-31 B.C. London, 2002.
- Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen. Berlin- Leipzig, 1934. Bd. 4. (UKV)
- Shauenberg K.* Pluton and Dionysos // Jahrbuch des Deutschen Archäologischer Instituts. Berlin, 1953.
- Shefton B.* The Krater from Bakxy // The Eye of Greece. Cambridge. 1982.
- Simon E.* Satyr-plays on Vases in Time of Aeschylus //The Eye of Greece. London, 1982.
- Simon E., Hirmer A.* Die griechischen Vasen. München, 1981.
- Stäler K.* Tierbilder // Griechische Vasen aus Vestfälischen Sammlungen. Münster, 1984.
- Treister M.* Ein spätarchaischer Handspiegel des olbischen Typus // Anlässlich der Winkelmannsfeier des Instituts für klassische Archäologie der Universität Leipzig. Leipzig AM 15. Dezember 2003.
- Vickers M.* Scythian Treasures in Oxford. Oxford, 1979.
- Vogell A.* Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze A. Vogell. Karlsruhe, Kassel, 1908.
- Zervoudaki E.A.* Attische Reliefkeramik des späten V und des IV Jahrhunderts v. Chr.// Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Ableitung. 1968. № 83. (ARC).

ФАНТАСТИЧНІ ІСТОТИ В КУЛЬТУРІ, МИСТЕЦТВІ Й РЕЛІГІЇ АНТИЧНИХ ДЕРЖАВ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я

Резюме

Стаття присвячена з'ясуванню ролі фантастичних істот у культурі, мистецтві й релігії греків, що жили на Боспорі, в Херсонесі, Ольвії й Тірі. Для висвітлення цієї мало дослідженої теми використані головним чином пам'ятки мистецтва, виявлені при розкопках античних міст і некрополів у Північному Причорномор'ї. Вони дають уявлення про популярні тут міфи, персонажами яких були напівлюди-напівзвірі й фантастичні істоти. У північних грецьких колоніях розповідали відомі в усій Елладі перекази про сатирів і силенів, веселих супутників Діоніса, про музичні змагання Аполлона і Марсія, про битви Геракла з кентаврами, про грифонів, що бились з аримаспами і амазонками, про тритонів і гіппокампів, які населяли морські глибини, та ін. Ці міфи зажили найбільшої популярності в VI – IV ст. до н. е., та не забувались і в перші століття нашої ери.

Маски горгон, що прикрашали храми Ольвії, Херсонеса і Феодосії, а також ольвійські votivні пластинки із зображеннями сирен і кентаврів, свідчать про певну роль фантастичних істот в релігії греків Північного Причорномор'я. Є підстави вважати, що тут під час Діонісії деякі учасники одягали костюми сатирів, силенів і вакханок, а на боспорських святах Аполлона згадували про грифона, одну з священних тварин бога.

Персонажі, що прикрашали речі масового місцевого виробництва (монети, теракоти, керамічні й кістяні вироби), свідчать про широке розповсюдження різних уявлень про фантастичних істот у щоденному житті античних держав Північного Причорномор'я. В древності вважалось, що вигляд страшних чудовиськ може відвернути нещастя від власника їх зображень, тому на розписному посуді і на ювелірних виробах часто зустрічаються фігури різних фантастичних істот, які мали поряд із декоративною функцією значення апотропеїв.

Майже всі фантастичні істоти включались до розповідей про потойбічний світ. Їх зображення супроводжували померлого в останній шлях, про що свідчать знайдені в могилах розписні вази, ювелірні вироби, а також прикраси саркофагів і надгробків.

У Північному Причорномор'ї уявлення про фантастичних істот розвивались у річичі притаманній всім грекам традиції. Однак, як і в інших державах, міфи про ці істоти користувались різною мірою популярності в кожному місті та його окрузі. Наприклад, грифони відігравали важливу роль у міфології боспорян і посідали помітне місце в Херсонесі, а в Ольвії та Тірі ними цікавились помітно менше. Зате в VI – V ст. в Ольвії горгонам і сфінксам приділялось набагато більше уваги, ніж в інших полісах цього регіону.

«ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ И РЕЛИГИИ
АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ»

Резюме

Статья посвящена выяснению роли фантастических существ в культуре, искусстве и религии греков, живших на Боспоре, в Херсонесе, Ольвии и Тире. Для освещения этой малоисследованной темы использованы главным образом памятники искусства, обнаруженные при раскопках античных городов и некрополей в Северном Причерноморье. Они дают представление о популярных здесь мифах, в которых принимали участие полулюди-полуживотные и фантастические животные. В северных греческих колониях рассказывали известные во всей Элладе предания о сатирах и сиренах, веселых спутниках Диониса, о музыкальном состязании Аполлона и Марсия, о грифонах, сражающихся с аримаспами и амазонками, о битвах Геракла с кентаврами, о сладкоголосых сиренах, об ужасных горгонах, о населяющих морские глубины тритонах и гиппокампах и др. Эти мифы пользовались наибольшей популярностью в VI–IV вв. до н. э., но не забывались и в первые века нашей эры.

Маски горгон, украшавшие храмы Ольвии, Херсонеса и Феодосии, а также ольвийские вотивные пластинки с изображением сирен и кентавров, свидетельствуют об определенной роли фантастических существ в религии греков Северного Причерноморья. Есть основания считать, что здесь во время Дионисий некоторые участники облачались в костюмы сатиров, силенов и вакханок, а на боспорских праздниках Аполлона вспоминали о грифоне, одном из священных животных бога.

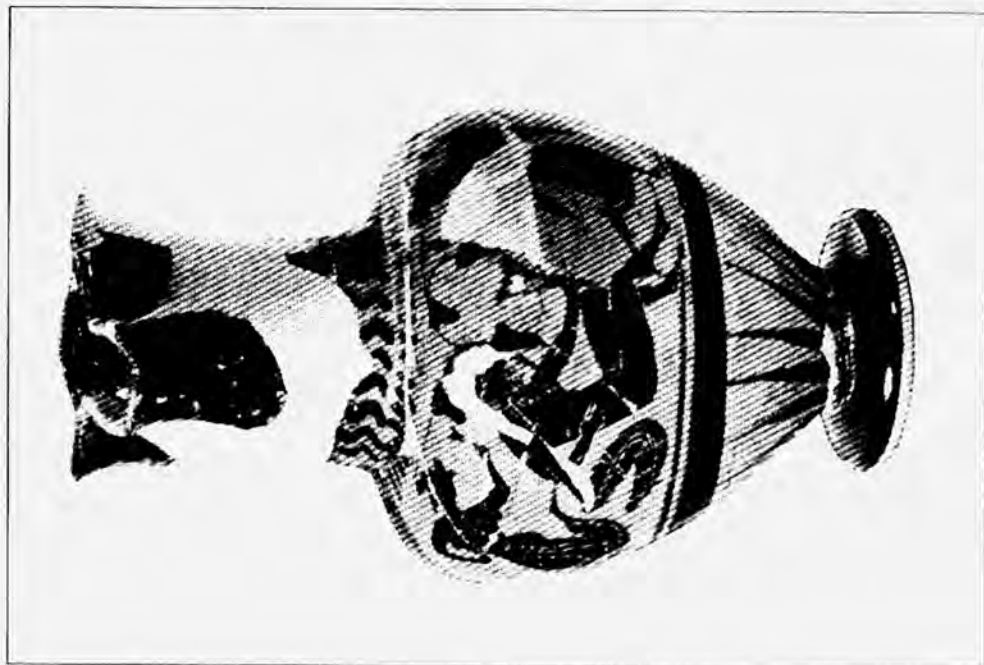
Персонажи, украшавшие предметы массового местного производства (монеты, терракоты, керамические и костяные изделия), свидетельствуют о широком распространении различных представлений о фантастических существах в повседневной жизни античных государств Северного Причерноморья. В древности считалось, что вид страшных чудовищ может отвратить несчастье от владельца их изображений, поэтому на расписной посуде и на ювелирных изделиях часто встречаются фигуры разнообразных фантастических существ, имевших наряду с декоративной функцией значение апотропеев.

Почти все фантастические существа включались в рассказы о потустороннем мире. Их изображения сопровождали покойного в последний путь, о чем свидетельствуют найденные в могилах расписные вазы, ювелирные изделия, а также украшения саркофагов и надгробий.

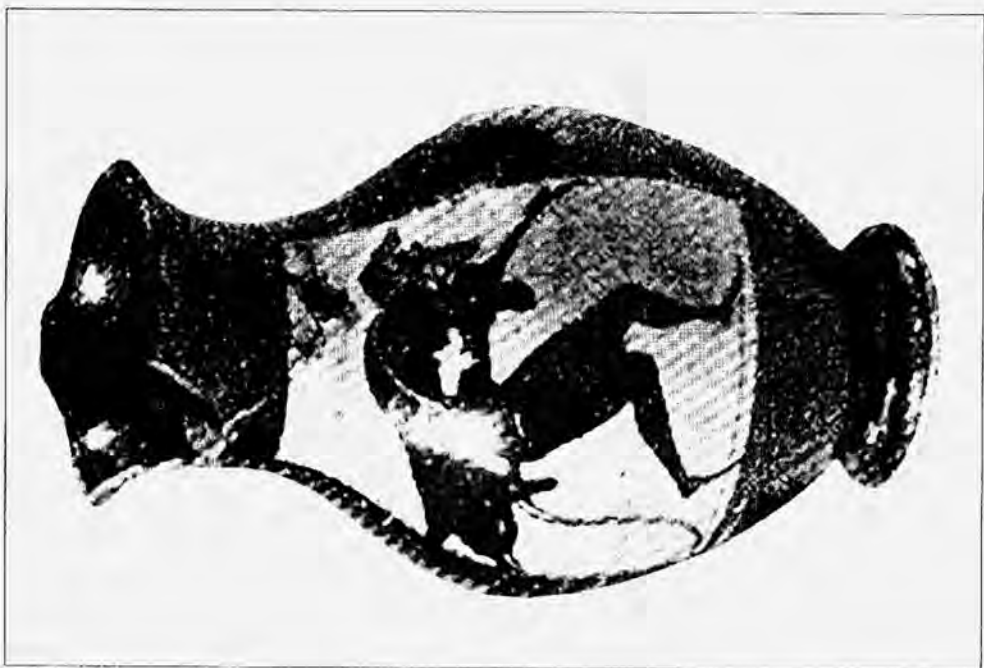
В Северном Причерноморье представления о фантастических существах развивались в русле присущей всем грекам традиции. Однако, как и в других государствах, мифы об этих созданиях пользовались разной степенью популярности в каждом городе и его округе. Например, грифоны играли важную роль в мифологии боспорян и занимали заметное место в Херсонесе, а в Ольвии и Тире ими интересовались заметно меньше. Зато в VI–V вв. до н. э. в Ольвии горгонам и сфинксам уделялось гораздо больше внимания, чем в прочих полисах этого региона.

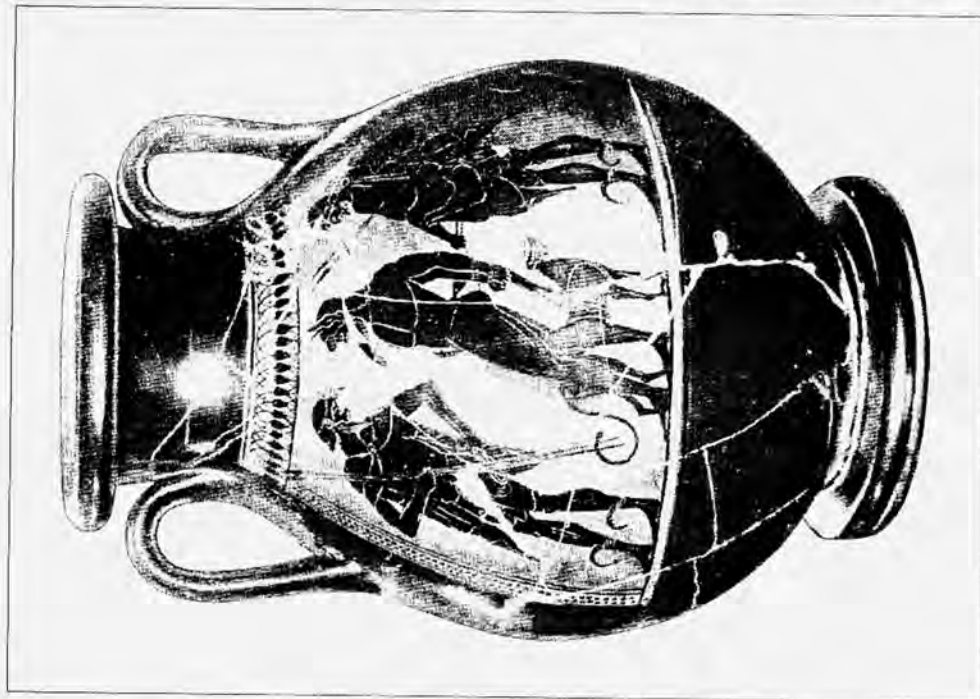
1. Статуя Силена с Дионисом на руках. Римская копия с греческого оригинала. III в. до н. э.

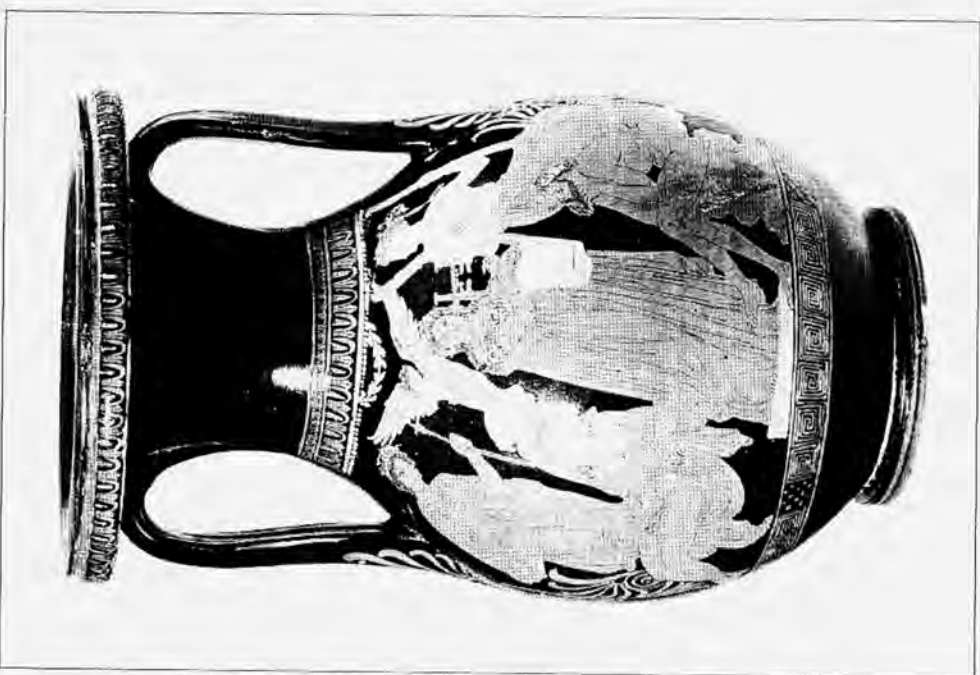
3. Лежащий Силен между двух танцующих нимф. Чернофигурная ойнохоя из Ольвии. Начало V в. до н. э.

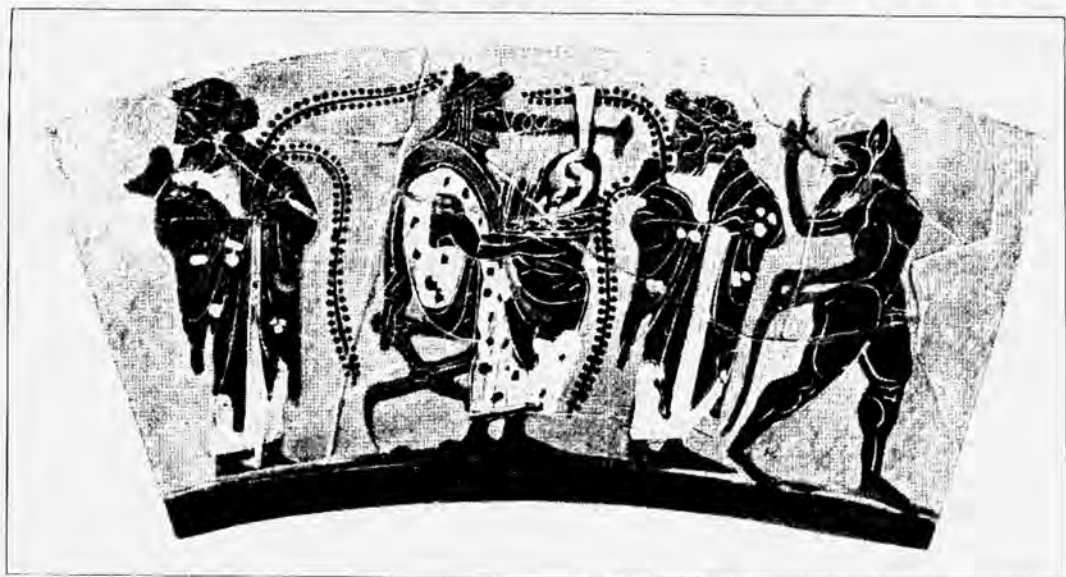
2. Силен с винным мехом на плечах. Чернофигурная ольпа из Ольвии. Конец VI в. до н. э.

5. Воины, ведущие связанного Силена к царю Мидасу. Черно-фигурная пелика из Пантикапея. Вторая половина VI в. до н. э.

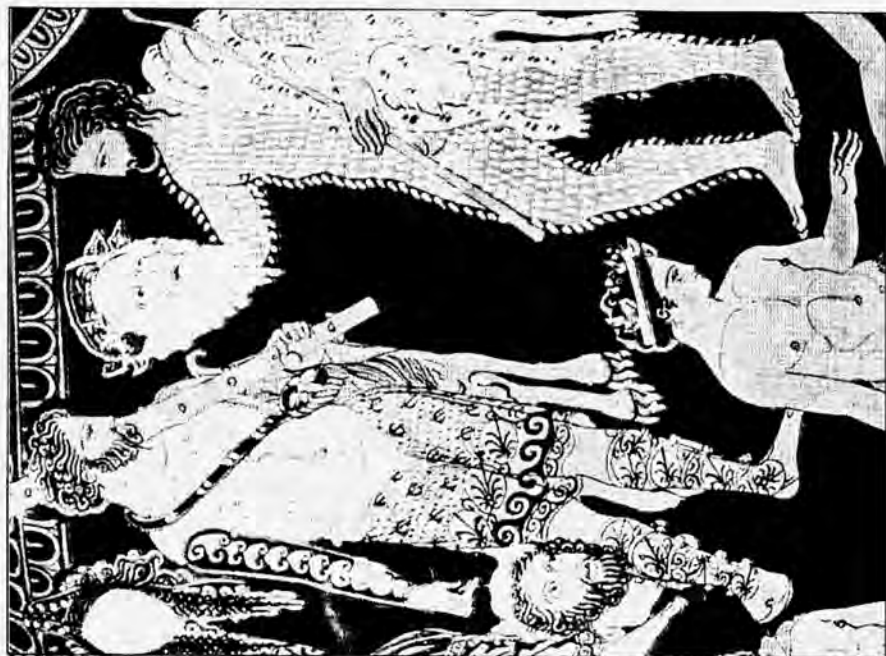
4. Состязание Аполлона и Марсия. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 340-330 гг. до н. э.

6. Силен рядом с Дионисом, стоящим около Аполлона, играющего на кифаре. Чернофигурный лекиф из Ольвии. Последняя треть VI в. до н. э.

7. Силен. Рельефная костяная пластинка для украшения мебели из Пантикапея. III – II вв. до н. э.

9. Актеры в костюмах Геракла и Паппосилена. Часть росписи краснофигурного кратера Пронома из Руво. Начало IV в. до н. э.

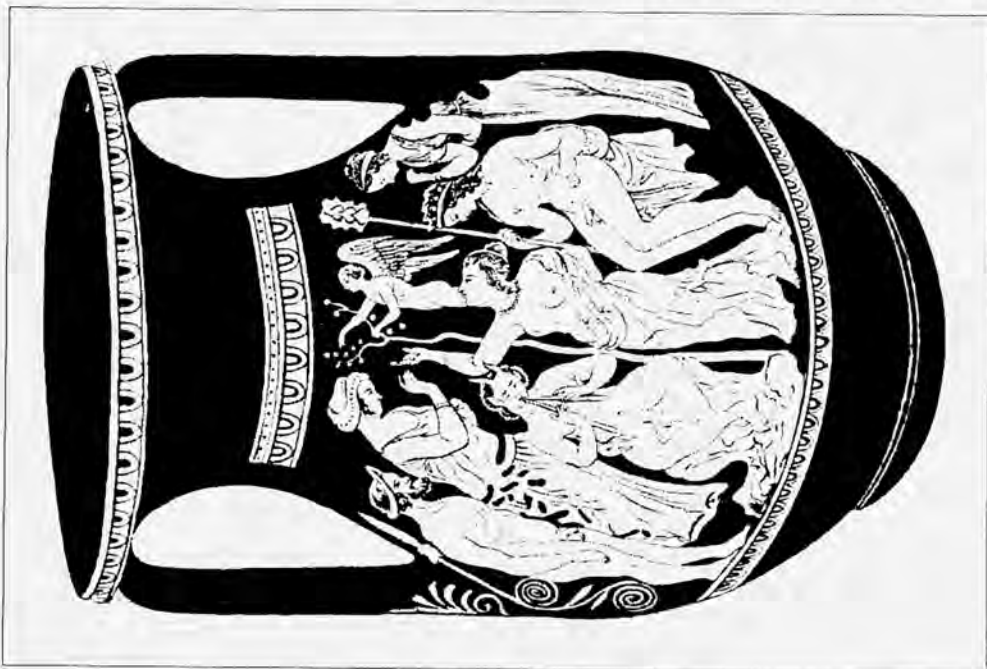
8. Актеры, исполнявшие роли в сатиrowsкой драме. Краснофигурный кратер Пронома из Руво. Начало IV в. до н. э.

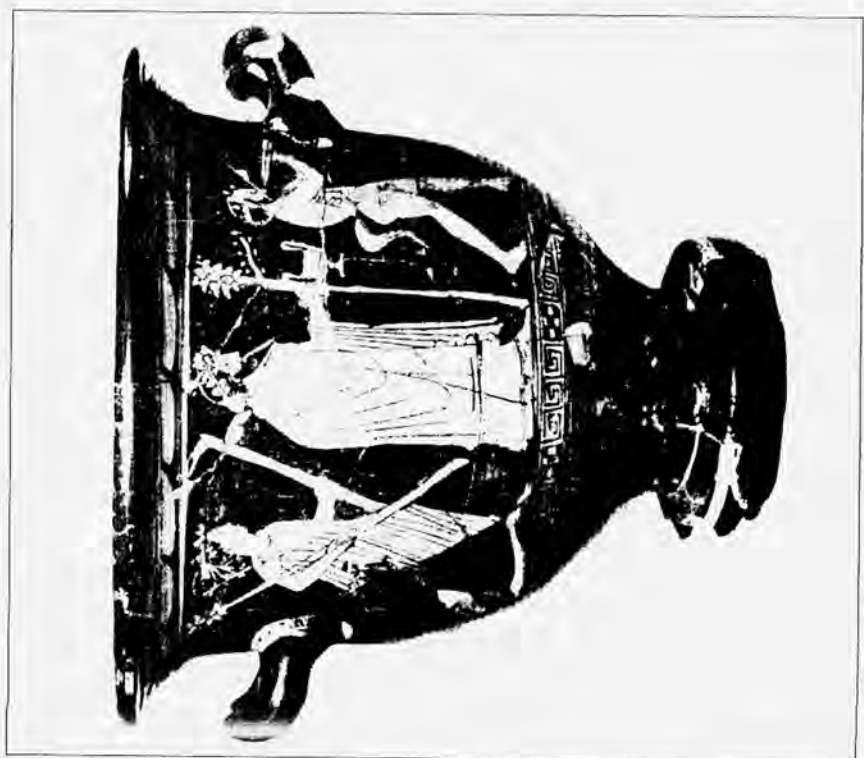
10. Актер в костюме Силена. Мраморный рельеф из Пантикапея. IV в. до н. э.

11. Силен с Дионисом на руках, сатиры и Пан, преследующие нимф. Краснофигурная лекана из Пантикапея. IV в. до н. э.

12. Маски Диониса и Силена. Рельеф на стенке мраморного саркофага из Херсонеса. II в. н. э.

14. Сатир, аккомпанирующий на аулосе танцу вакханки. Краснофигурная пелика из Херсонеса, IV в. до н. э.

13. Шествие Диониса в сопровождении сатира и вакханки. Краснофигурный кратер из Никония. Вторая половина V в. до н. э.

15. Отдыхающий сатир. Римская копия с оригинала Праксителя. IV в. до н. э.

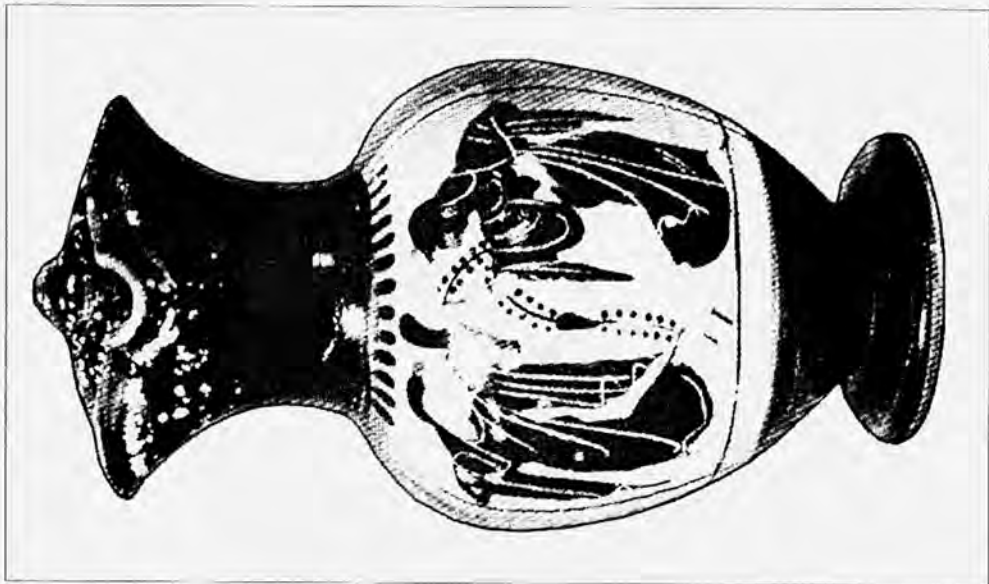
16. Сатир. Золотой пантикапейский статер. Первая половина IV в. до н. э.

17. Сатир. Монеты Пантикапея. IV в. до н. э.

18. Пан и сатир. Терракотовые маски из Пантикапея и Херсонеса. III в. до н. э.

19. Танцующие вакханки. Чернофигурная ойнохоя из Ольвии. Начало V в. до н. э.

20. Поклонницы Диониса на празднике Леней. Краснофигурный стамнос из Пантикапея. Середина V в. до н. э.

21. Вакханка с тимпаном над головой. Терракотовая статуэтка. II в. до н. э.

22. Пелей, передающий Ахилла на воспитание кентавру Хирону. Чернофигурный килик из Ольвии. Рубеж VI – V вв. до н. э.

21

22

23

23. Сражение кентавра с Гераклом. Чернофигурный лекиф из раскопок на Таманском полуострове. Конец VI в. до н. э.

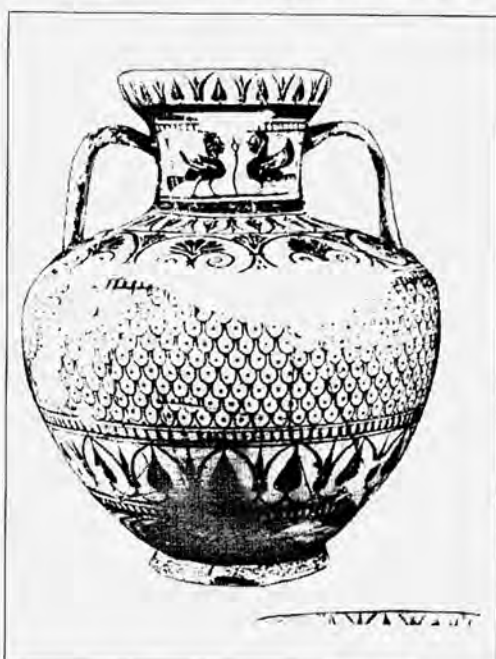
24. Геракл, освобождающий дочь царя Дексамена от брака с кентавром Эвритионом. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 340 г. до н. э.

24

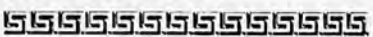
25. Сирена с лирой. Оттиск формы для украшения керамических сосудов из Фанагории. IV в. до н. э.

26. Две сирены. Амфора стиля Фикеллура из раскопок на о. Березань. Вторая половина VI в. до н. э.

27. Сирена. Фрагмент чернофигурного килика из раскопок на о. Березань. Третья четверть VI в. до н. э.

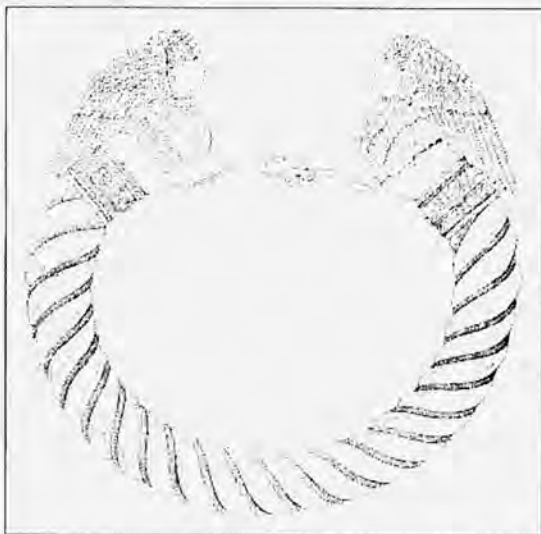
28. Сирена. Клазоменская амфора из Ольвии. 520 г. до н. э.

29. Сирена, играющая на аулосе. Золотая подвеска к серьге из кургана Зеленская гора на Тамани. Конец IV в. до н. э.

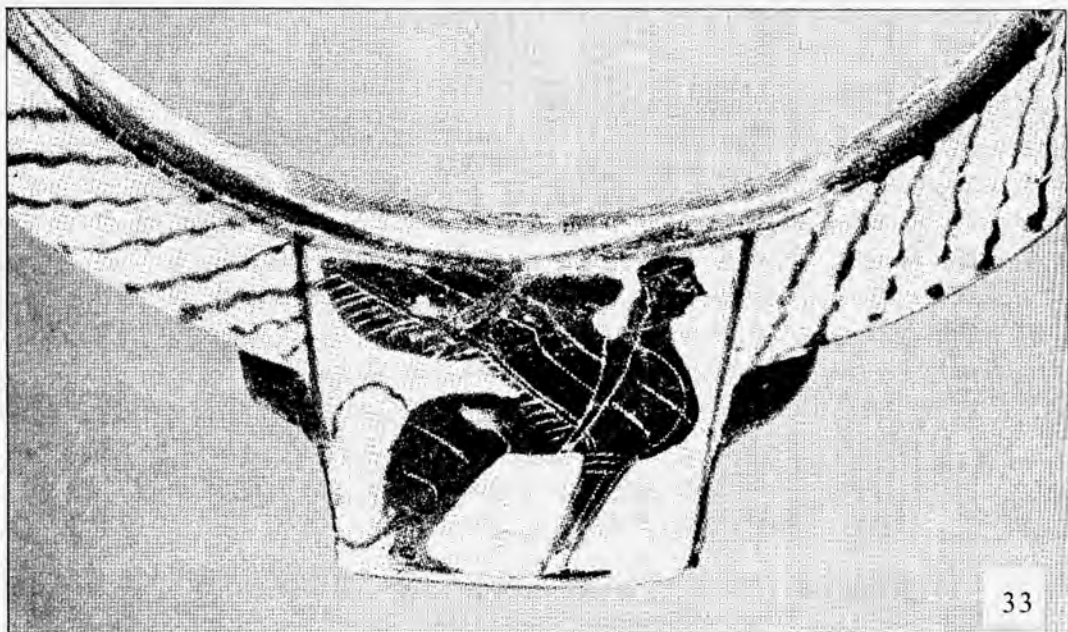
30. Сфинкс. Золотые серьги из Нимфея. Вторая половина IV в. до н. э.

31. Два сфинкса. Украшение золотого браслета из кургана Куль-Оба. Первая половина IV в. до н. э.

32. Сфинкс. Хиосский кубок из раскопок на о. Березань. Первая половина V в. до н. э.

33

33. Сфинкс. Рисунок на ручке чернофигурного кратера из Ольвии. 540-530 гг. до н. э.

34. Сфинкс. Полихромный фигурный сосуд из Фанагории. Конец V в. до н. э.

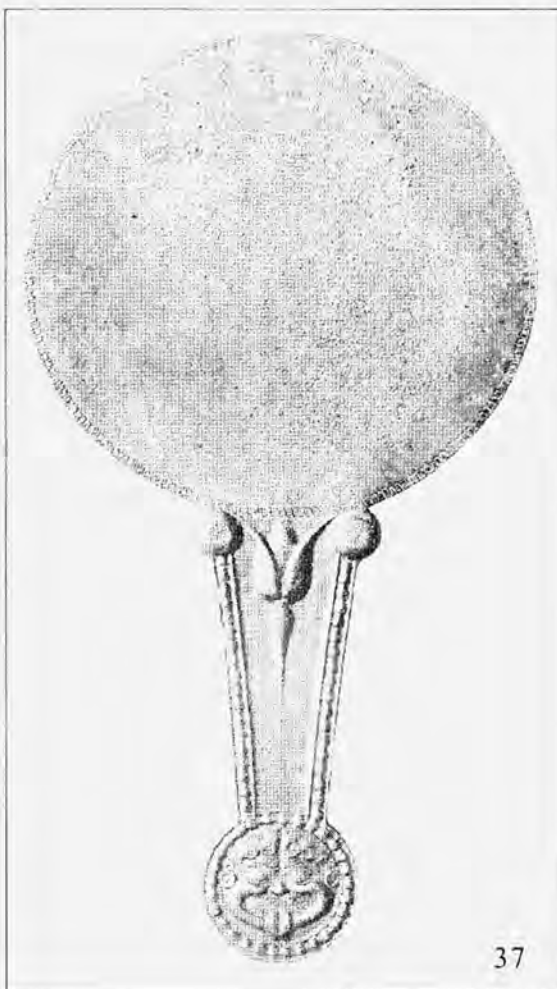
34

35

36

37

35. Маска Горгоны. Медальоны чернофигурных киликов из раскопок на о. Березань. Последняя треть VI в. до н. э.

36. Маска Горгоны. Чернофигурный скифос из раскопок на острове Березань. 510 г. до н. э.

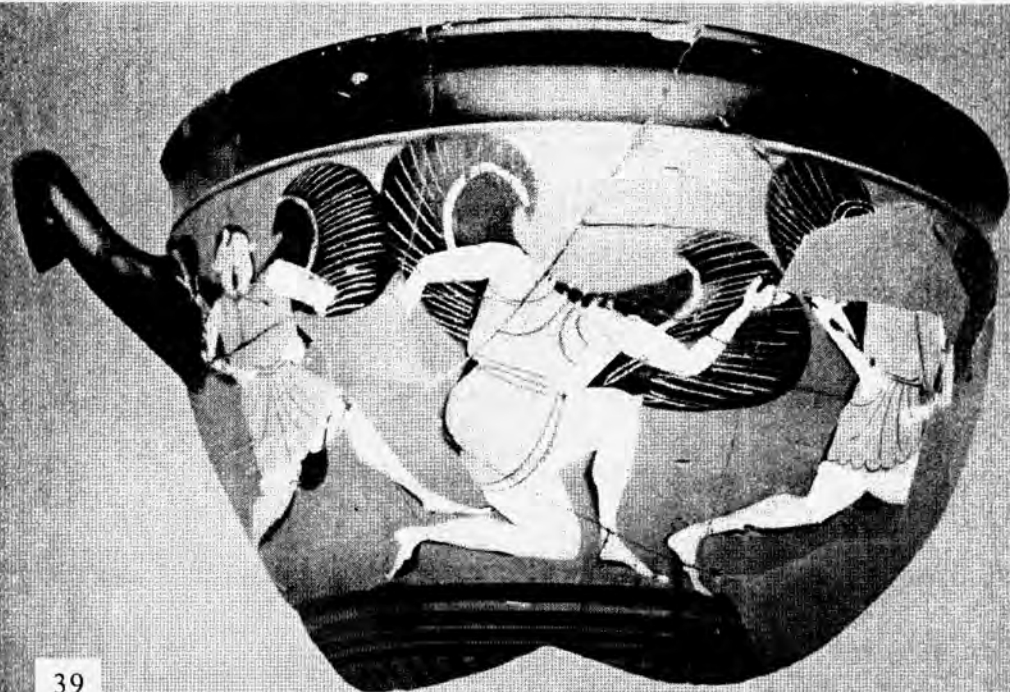
37. Маска Горгоны. Украшение ручки бронзового зеркала из Ольвии. Вторая половина VI в. до н. э.

38

38. Бегущая Горгона со змеями в руках. Халцедоновая инталия из Пантикакпея. Начало V в. до н. э.

39. Три бегущие Горгоны. Чернофигурный скифос из раскопок на острове Березань. 500 г. до н. э.

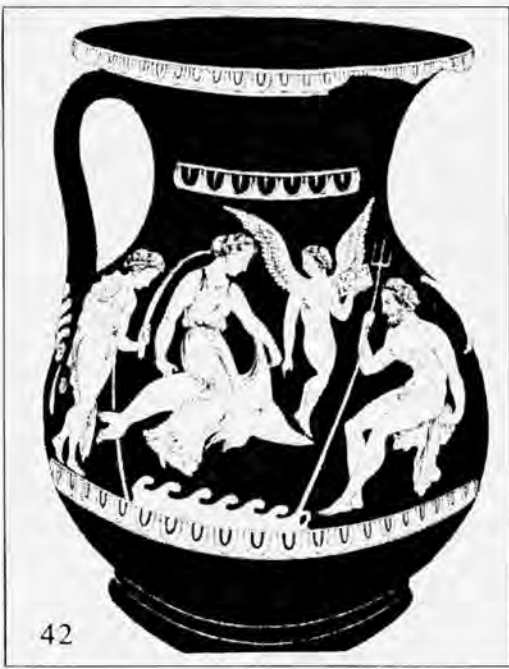
39

40. Голова Горгоны. Золотая бляшка из боспорского погребения. Середина IV в. до н. э.

41. Прорастающая Дева. Деталь известнякового декора здания из Пантикапея. I в. н. э.

42

44

43

42. Дельфин, везущий Амфитриту к Посейдону. Краснофигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

43. Тритон и nereиды в свите Европы, плывущей на Крит. Краснофигурное рыбное блюдо из Нимфея. Первая треть IV в. до н. э.

44. Нереиды на гиппокампах и морском драконе. Краснофигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

45. Морской дракон среди рыб. Перстень из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

46. Морские драконы в декоре золотой диадемы из Пантикапея. Первая половина II в. до н. э.

45

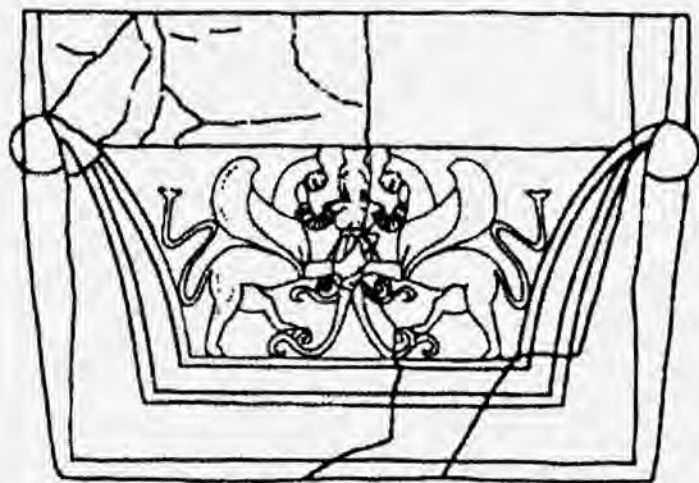
46

47. Фетида на гиппокампе. Золотая подвеска к женскому головному убору из кургана Большая Близница. Последняя треть IV в. до н. э.

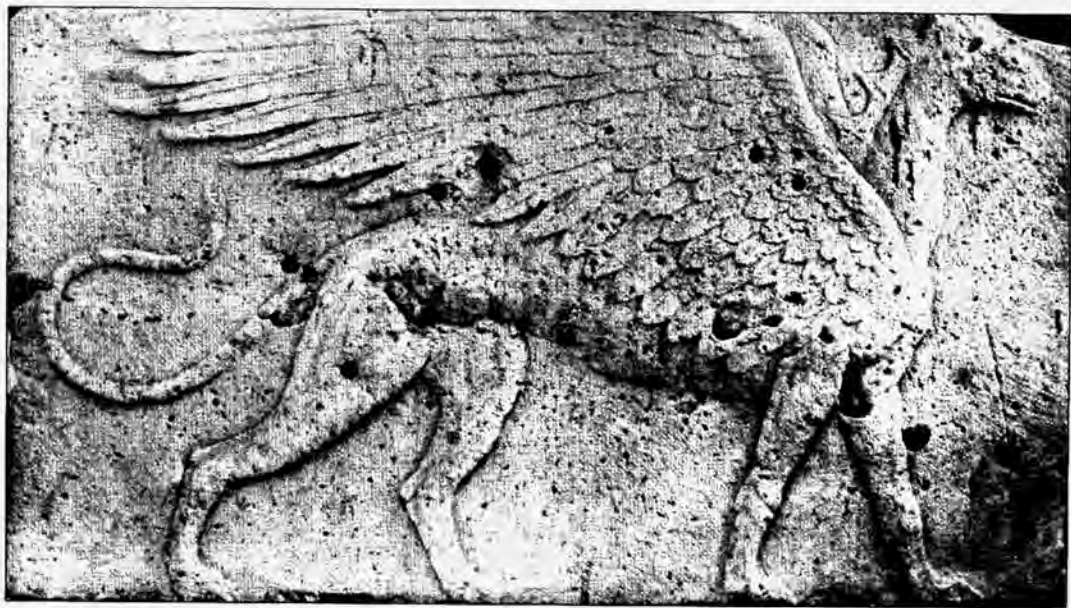

48. Львиноголовый грифон. Монеты Пантикапея. IV в. до н. э.

49. Грифоны рядом с богиней. Известняковая капитель из Херсонеса. IV – III вв. до н. э.

50. Грифон. Известняковая плита из Пантикапея. Вторая половина IV в. до н. э.

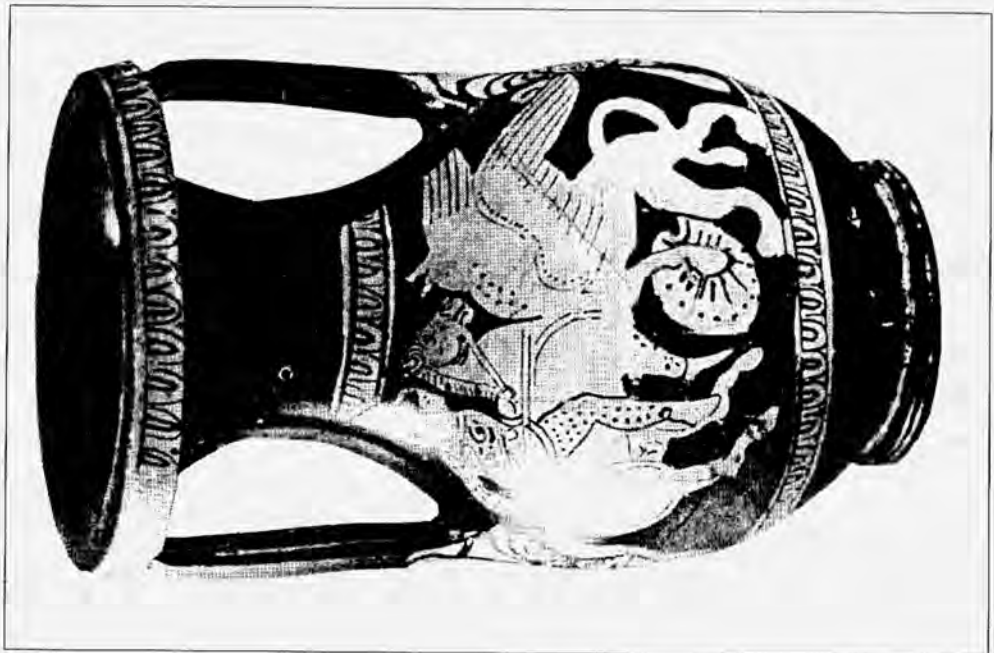
51. Грифон. Рельеф на стенке мраморного саркофага из Херсонеса. II в. н. э.

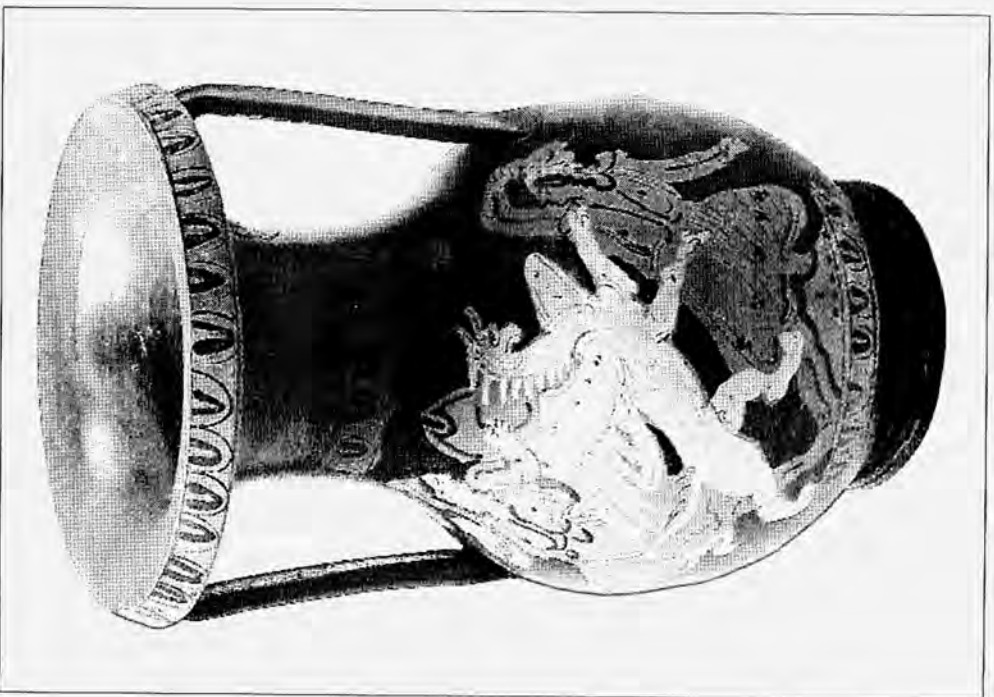
52. Аполлон на грифоне. Роспись пантикапейского склепа римского времени.

53. Вакханка, едущая на грифоне. Золотая бляшка из погребения на Тамани. IV в. до н. э.

55. Сражение грифонов с аримастами. Краснофигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

54. Сражение грифонов с амазонками. Краснофигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

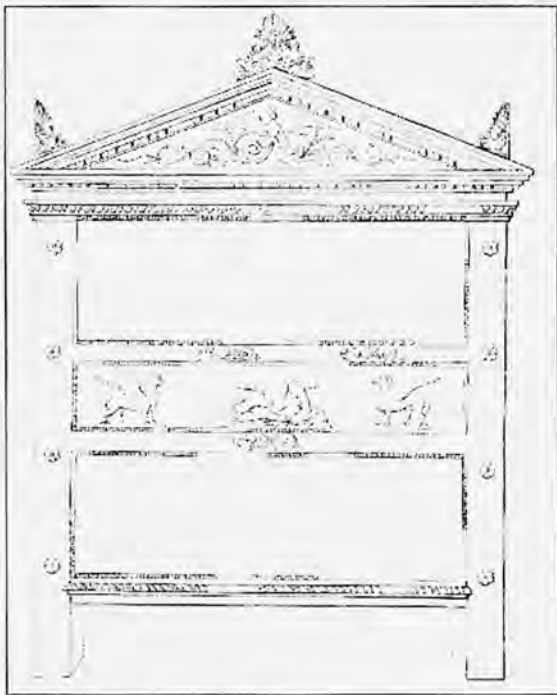
56. Сражение грифонов с самозонками. Краснофигурный кратель из собрания Лувра. Конец V в. до н. э.

57. Сражение грифонов с амазонками. Прорисовка части рельефа на золотом уборе жрицы из кургана Большая Близница. Последняя треть IV в. до н. э.

58. Голова грифона, амазонки и коня. Красно-фигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

59. Грифон в декоре деревянного саркофага из некрополя Пантикапея. IV в. до н. э.

60. Грифон. Хрустальная инталия из Пантикапея. V в. до н. э.

61. Охота на грифонов. Прорисовка изображения на лекифе из Пантикапея. 380 г. до н. э.

62. Грифоны, терзающие коня. Рельефное украшение серебряной вазы из кургана Чертомлык. IV в. до н. э.

63. Пегас. Чернофигурный киаф из Ольвии. Начало V в. до н. э.